

музей 198

международный журнал

ISSN 0255-0881

Музеи на месте раскопок

Нюрнберг реорганизует
свои музеи

Реконструкция
в Лилле

museum *Международный журнал*

Ежеквартальный *Международный журнал "Museum"*, посвященный теории и практике музейного дела, издается Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры в Париже.

Журнал выходит в Париже на французском и испанском языках, в Оксфорде — на английском, в Каире — на арабском, в Москве — на русском.

№ 198 (№ 4, 1998)

На первой странице обложки
Аэрофотоснимок археологического памятника Экеторп в Швеции по завершении его раскопок.
© Bengt Edgren

На последней странице обложки
Вид Московского Кремля со стороны Москвы-реки.
© В.Серегин

Главный редактор: Марсия Лорд
Помощник редактора: Кристин Уилкинсон
Художественный редактор: Кароль Пажо-Фон
Редактор издания на арабском языке: Фавзи Абд эль-Захер
Редактор издания на русском языке: Татьяна Телегина

Консультативный комитет

Гаэль де Гишен, ИККРОМ
Жан-Пьер Моан, Франция
Стелиос Пападополус, Греция
Элизабет де Порт, генеральный секретарь ИКОМ, ex officio
Роланд де Сильва, президент ИКОМОС, ex officio
Шаже Тшилуйла, Заир
Нэнси Хашн, Канада
Томислав Шола, Хорватия
Яни Эрреман, Мексика

Ответственность за подбор и изложение фактов в подписанных статьях несут сами авторы. Высказанные ими мнения могут не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО. Встречающиеся в статьях формулировки и определения, которые касаются правового положения государств, территорий, городов и регионов, а также их управления или определения границ между ними, могут не отражать позиции ЮНЕСКО по затрагиваемым проблемам.

Выпуск журнала на русском языке осуществляет ЗАО «Издания ЮНЕСКО на русском языке» при содействии Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО

Учредитель — ОАО ИГ «Прогресс»

ЗАО «Издания ЮНЕСКО на русском языке»/UNESCO Publishing

Генеральный директор ЗАО «Издания ЮНЕСКО на русском языке»: Ирина Уткина

Редактор русского издания: Татьяна Телегина

Художественное и техническое редактирование: Ирина Цалкина

© ЮНЕСКО, 1998
© Перевод на русский язык ЗАО «Издания ЮНЕСКО на русском языке», 1999

Напечатано в Российской Федерации

Адрес русской редакции: 119847, ГСП-3, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17
Телефон: 247 17 94

Отпечатано в ООО "ЭОЛАНТ" лицензия ПЛР № 060290.
Адрес: 117420 Москва, ул. Профсоюзная, д. 78.

Адрес главной редакции:
UNESCO, 7 place de Fontenoy,
75352 Paris 07 SP (France)
Телефон: (33.1) 45 68 43 39
Факс: (33.1) 45 68 55 91

Уважаемый читатель!

Если Вы живете или работаете в Москве, Вы можете приобрести *Международный журнал "Museum"* в книжном магазине «Человек читающий» по адресу: 119847, ГСП-3, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Русская редакция *Международного журнала "Museum"*

<i>От редакции</i>	3	
--------------------	---	--

<i>Досье: Археологические памятники и музеи на месте раскопок</i>	4	Вопрос интерпретации <i>Рахиль Хачлили</i>
	6	Раскопки и работы по спасению памятников: что сохранять и почему <i>Христос Думас</i>
	10	Возвращенный к жизни Экеторп: многолетняя научная дискуссия <i>Бенгт Эдгрен</i>
	16	Луксорский музей древнеегипетского искусства: проблема изобилия <i>Маделин И. эль-Маллах</i>
	23	Музей Карфагена: урок живой истории <i>Абдельмаджид Эннабли</i>
	33	Археология и этнополитика: открытие Аркаима <i>В.А. Шнирельман</i>
	40	Музей на месте раскопок: Большая Пирамида в Мехико <i>Эдуардо Матос Моктесума</i>
	44	Индия: археологические музеи на месте раскопок и их значение для культурного образования <i>И.К. Сарма</i>
50	Энам: новые технологии увековечивают прошлое <i>Дирк Каллебаут, Джон Сандерленд</i>	

<i>Управление</i>	55	Упорядоченное разнообразие: муниципальные музеи Нюрнберга <i>Франц Зонненбергер</i>
-------------------	----	---

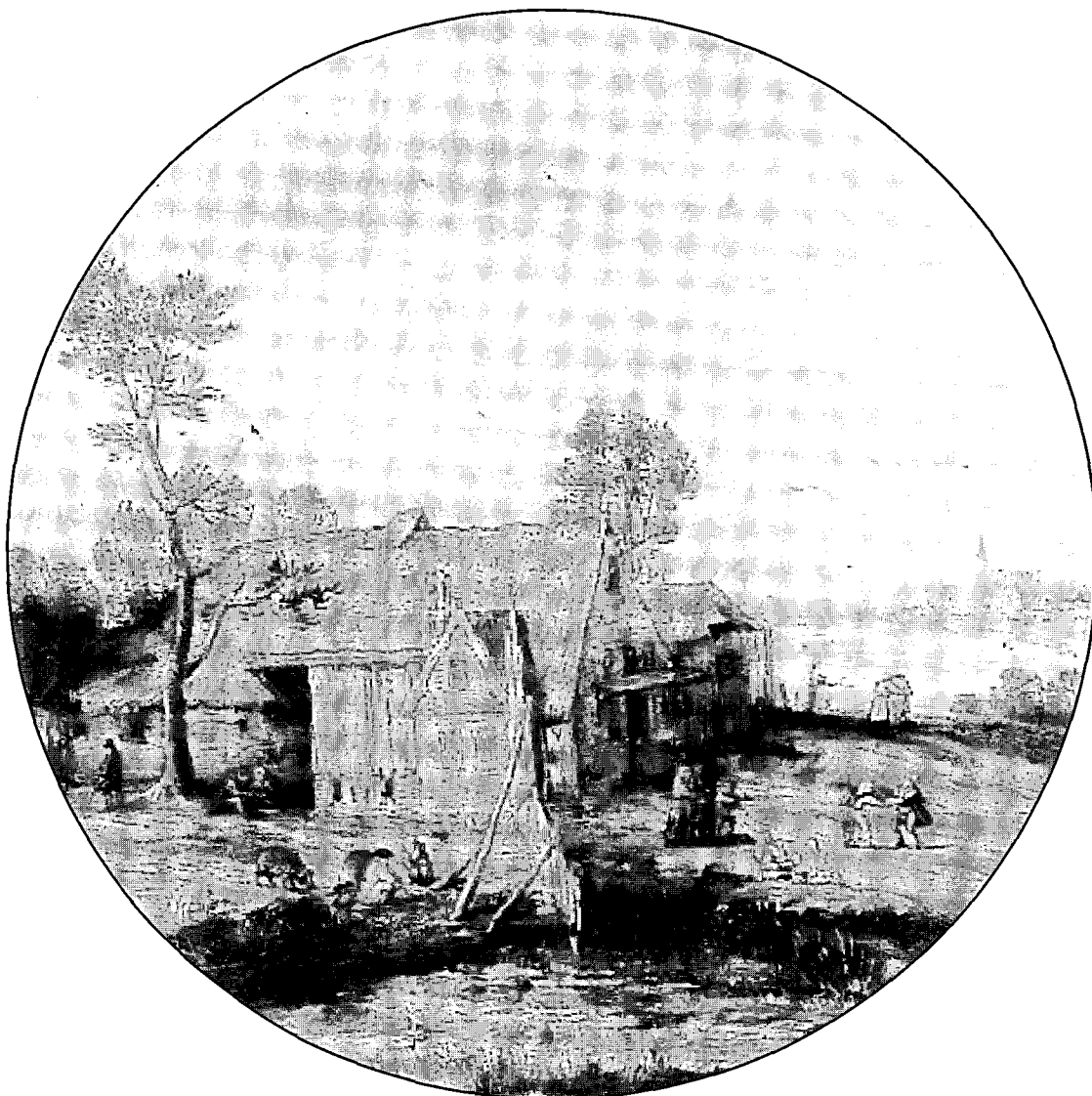

<i>Событие</i>	60	Дворец изящных искусств в Лилле вновь открыт <i>Сообщение Международного журнала "Museum"</i>
----------------	----	---

<i>Рубрики</i>	62	Книги
----------------	----	-------

УКРАДЕНО

Картина маслом на дереве под названием Воегенhoeve (Ферма) Питера Балена, датируемая 1581 годом; справа внизу имеется монограмма. Примерная стоимость картины составляет 150 тыс. гульденов. Похищена 13 апреля 1997 года из музея в Гааге, Нидерланды. (Reference 6.165.1/97.6261, Interpol, The Hague.)

Photo by courtesy of the ICPO-Interpol General Secretariat, Lyons (France)

От редакции

День 26 ноября 1922 года стал для археолога Говарда Картера счастливейшим в жизни, «днем из дней», «самым удивительным из всех, прожитых мною», как он позднее называл его. Стоя перед запечатанной дверью заброшенной гробницы Тутанхамона в египетской Долине царей, он проделал небольшое отверстие и заглянул в него. На вопрос о том, видит ли он там что-нибудь, Картер ответил: «Да, это что-то потрясающее». По его словам, он «от удивления лишился дара речи... когда мои глаза привыкли к темноте, из нее постепенно стали проступать очертания помещения, какие-то непонятные животные, статуи и золото — повсюду блеск золота»¹.

Ставшая легендой история открытия Картером гробницы Тутанхамона свидетельствует о том, что археологические открытия глубоко волнуют нас и сегодня. Раскопки Шлимана в Трое, открытие Бингемом города Мачу-Пикчу, невероятная находка четырех подростков, обнаруживших пещеру Ласко во Франции, — эти и многие другие знаменитые свидетельства доносят до нас археология, разжигая воображение и поддерживая непрерывный диалог с прошлым. Однако это не простой диалог, ему свойственны противоречия, поскольку разгадки и ключи от тайн древнего мира скрыты в настоящем и в тех свидетельствах, которые пережили катаклизмы времени; мы не можем знать того, что было безвозвратно утрачено и что могло пролить новый свет на то, что сохранилось.

Однако археология — это еще и испытание для человеческой изобретательности, воображения и умения применять достижения науки и техники для реализации ее целей. Аэрофотосъемка, углеродный метод датирования, пыльцевой анализ, изображения, полученные со спутника, и компьютерное моделирование — вот лишь некоторые из новшеств, которые помогли изменить работу археологов. На помощь им пришли биология, ботаника, химия, геология, история, психология, искусство и многие другие дисциплины.

Тот факт, что археология вызывает большой интерес у публики, создает новые проблемы. Вот лишь некоторые из них: возросшая потребность в привлечении специалистов по окружающей среде к участию в раскопках и экспедициях; последствия массового туризма и необходимость установления столь зыбкого равновесия между правом публики на доступ к культурному наследию и сохранением и даже выживанием этого наследия; отказ от традиционной мужской позиции в интерпретации и акцента на так называемые мужские виды деятельности: охоту, изготовление орудий — в пользу более широкого взгляда на то, каким образом функционировали древние общества; пересмотр наших знаний о представлениях туземных народов и отношения к ним; возросшая опасность хищений и незаконной торговли археологическими находками².

Какова в таком случае роль музея, созданного на месте раскопок, этого хранилища *in situ* фрагментов, культурных свидетельств и предметов в их многовековом контексте? Как он должен сохранять, защищать и прежде всего осмысливать зачастую случайные находки, с помощью которых можно было бы реконструировать существовавшие в древности жизненные уклады и высветить процессы, лежащие в основе поведения человека и обуславливающие его? Эти проблемы также носят комплексный характер, поскольку касаются вопросов этики и политики, истории и представления о самих себе, которые никоим образом не могут быть целиком «научными» или объективными и которые заставляют понять, что археология в конечном счете — это не что иное, как «серьезная современная дискуссия о прошлом»³.

ЮНЕСКО уже давно стала заниматься этим вопросом: одним из наиболее ранних ее нормативных документов стали принятые в 1956 году «Рекомендации по международным правилам, касающимся археологических раскопок», в которых особо подчеркивается необходимость создания музеев на месте раскопок. Таким образом, мы хотели рассмотреть более широкий круг проблем в данной области и показать, какие специфические способы их решения находят современные музеи. Приносим нашу глубокую благодарность Рахили Хачлили, профессору кафедры археологии и музеологических исследований в Университете Хайфы (Израиль), оказавшей нам помощь в подборке материалов для тематического раздела журнала. Ее знания, широту кругозора и энтузиазм трудно переоценить.

М.Л.

Примечания

1. Arnold C. Brackman, *The Search for the Gold of Tutankhamen*, New York, Simon & Schuster, 1976.
2. Paul G. Bahn (ed.), *The Cambridge Illustrated History of Archaeology*, Cambridge University Press, 1996.
3. Ibid.

Вопрос интерпретации

Рахиль Хачлили
(Rachel Hachlili)

В последние годы в разных странах мира на одно из первых мест выходят проблемы, с которыми сталкиваются музеи, создаваемые на месте раскопок. В мае—июне 1993 года они стали предметом обсуждения на проведенном Университетом Хайфы (Израиль) международном симпозиуме «Интерпретация прошлого: показ мест археологических раскопок», одним из председателей которого была Рахиль Хачлили. Затем состоялся организованный в 1996 году в Валенсии (Испания) международный семинар на аналогичную тему, «Форум ЮНЕСКО: университеты и наследие», а в октябре 1997 года в Квебеке (Канада) прошел второй такой семинар. Представляя в своей вступительной статье тематический раздел номера, Рахиль Хачлили обращает наше внимание на ряд проблем, с которыми сталкиваются специалисты, имеющие отношение к музеям, созданным на месте раскопок, предлагает пути их решения и рассказывает о новых достижениях в данной области. Автор статьи была одним из основателей Музея Гехта при Университете Хайфы и на протяжении четырех лет — его директором; она также создала и возглавила программу музеелогических исследований университета и принимала участие в раскопках ряда экспедиций на территории Израиля. Среди ее публикаций — вышедшая издательством «Брилл» в Лейдене книга Ancient Jewish Art and Archaeology in the Land of Israel.

Наблюдаемый повсюду в мире рост числа археологических раскопок, привлекающих внимание множества туристов, выдвигает на одно из первых мест проблему их показа. Она стала предметом серьезной озабоченности для многих археологов, архитекторов, дизайнеров и руководителей в области культурного наследия. Популярность археологии находит отражение в пристальном внимании публики к местам раскопок, в заинтересованности и участии в их дальнейшей судьбе.

Однако, перед тем как допустить публику к осмотру археологического участка, необходимо обеспечить его сохранность и защиту. Среди различных проблем, с которыми сталкиваются археологические музеи под открытым небом, встают задачи консервации таких мест после раскопок и спасения памятников, сохранения материальных свидетельств прошлого и осуществления гарантированных мер по спасению нашего культурного наследия. Важным вопросом для музеев, создаваемых на месте раскопок, является также вопрос о том, какой объем информации может быть представлен в экспозиции и какая реконструкция и в каких масштабах может быть проведена.

Трудный выбор стоит и перед теми, кто отвечает за культурное наследие, вследствие острой нехватки финансовых средств и времени. Какие участки следует сохранять, а на какие можно махнуть рукой, обрекая их на уничтожение? Что из прошлого нужно сбросить для будущего? И самое важное: от имени кого такие места должны сохраняться и поддерживаться в надлежащем состоянии? Для принятия решений относительно сохранения мест археологических раскопок и того, кто будет их осуществлять, необходимо выработать соответствующие критерии.

Места археологических раскопок, которые решено сохранить, должны служить интересам публики, поэтому здесь следует создать условия для организации преподавательской и исследовательской деятельности, осуществления воспитательно-просветительных программ и мероприятий, для проведения научной работы и экспериментов. Посетители должны иметь

возможность знакомиться с исторической характеристикой места и пояснительными текстами, для них необходимо предусмотреть соответствующие удобства. Организуя экспонирование и показ мест археологических раскопок, следует использовать все средства и методы, которыми располагают образование, экономика, а также туризм и индустрия отдыха и развлечений.

Экспозиции такого музея должны знакомить посетителей с причинами застройки данного участка, а также рассказывать об истории и жизни населявших эту территорию людей. Их цель — показать социальные, экономические и политические аспекты жизни этого места, а также представить культурную историю наследия, о котором идет речь, и вскрыть его корни. Важное значение имеет показ естественной среды участка и того, как она изменилась. При организации экспозиции следует учитывать особенности восприятия посетителей, их политические взгляды и национальные традиции. Она должна обеспечивать целостность восприятия на основе выразительной реконструкции жизни данной территории, воссоздающей окружающую обстановку в соответствии с конкретным периодом истории. Экспозиционный показ должен быть дополнен обнаруженными здесь находками.

Экспозиции — эффективный способ интерпретации прошлого и передачи информации посетителям в доступной для них форме. Чем больше они отвечают их интересам и чувствам, чем больше удовольствия им доставляют, тем активнее идет процесс познания и усвоения знаний. Согласно недавно проведенным исследованиям, самыми важными факторами в центрах, где имеют дело с посетителями, являются интерпретируемая тема, средства показа и общая атмосфера экспозиции. Наиболее удачными экспозициями с точки зрения понимания, получения удовольствия и мотивации оказались те, что были связаны с историей и близкими каждому посетителю общечеловеческими темами.

Если раньше экспозиции представляли собой, как правило, статичную демонстрацию предметов, которые, как

предполагалось, должны были говорить сами за себя, то последние тенденции в показе мест археологических раскопок свидетельствуют о больших изменениях в данной области. Сегодня особое значение придается интерпретации и интерактивности. Наблюдается также тенденция к коммерциализации. Все меньше появляется экспозиций, отражающих влияние той или иной идеологии, и все больше тех, что стремятся к «объективности».

Можно привести несколько примеров, свидетельствующих о новых тенденциях в области интерпретации, которых придерживаются музеи, созданные на месте археологических раскопок. Один из них, «Джорвик вайкинг сентер» (Jorvik Viking Centre) в Великобритании, представляет собой реконструкцию в натуральную величину. Археологический фонд города Йорка спроектировал музей под открытым небом на месте англо-скандинавского поселения Коппергейт, максимально используя данные археологических раскопок, а также виды местности, звуки и запахи. Таким образом был воссоздан район совместного проживания этих людей в X веке. Для передвижения посетителей по его территории разработан специальный маршрут, следуя которым они могут совершить путешествие в прошлое на автомобиле. К их услугам — описание проведенных здесь археологических работ, показ сохранившихся остатков, знакомство с рабочими помещениями и лабораториями, а также демонстрация артефактов.

Другой пример — древний Дом талмуда в Казрине, на Голанских высотах. Он обставлен характерной для таких зданий мебелью, в нем демонстрируются подлинные предметы обихода, строительные материалы, извлеченные из подлинного древнего сооружения, и рассказывается о развивавшихся в разное время видах местных ремесел. В настоящее время международная группа специалистов, представляющих Управление национальных парков Израиля, отделение археологии Университета Тель-Авива и правительство Восточной Фландрии (Бельгия), работает на месте древнего города Мегиддо (Армагеддон). Здесь будут использованы аудиовизуальные про-

граммы и не мешающее восприятию современное оборудование в целях совершенствования показа жизни на данной территории.

Эти экспозиции свидетельствуют об их достижениях не только в области коммуникации, но и в утверждении ими важных ценностей, а также в эстетике показа. Деятельность этих музеев, созданных непосредственно на месте раскопок, соотносится с реальной жизнью. Это помогает им строить свои отношения с местной общиной и рассказывать о человеческих качествах, близких и понятных каждому посетителю.

Такие археологические музеи под открытым небом получают распространение во многих странах мира. Вместе с ростом их популярности растет и необходимость более четкого понимания свойственных этим учреждениям специфических проблем. Хочется надеяться, что статьи посвященного им номера *Международного журнала "Museum"* станут полезным и своевременным вкладом в изучение и развитие их деятельности повсюду в мире. ■

Избранная библиография

ADDYMAN, P.V. Reconstruction as Interpretation: The Example of the Jorvik Viking Centre, York. In: P. Gathercole and Lowenthal (eds.), *The Politics of the Past*, pp. 257—264. London, 1990.

GATHERCOLE, P.; LOWENTHAL (eds.). *The Politics of the Past*. London, 1990.

KAPLAN, F.E.S. (ed.). *Museums and the Making of 'Ourselves', The Role of Objects in National Identity*. London/New York, 1994.

KILLEBREW, A; FINE, S. Qasrin — Reconstructing Village Life in Talmudic Times, *Biblical Archaeology Review*, Vol. 17, No. 3, 1991, pp. 44—57.

VARINE-BOHAN, H. de. The Modern Museum: Requirements and Problems of a New Approach. *Museum*, Vol. 28, No. 3, 1976, pp. 131—143.

Раскопки и работы по спасению памятников: что сохранять и почему

Христос Думас
(Christos Doumas)

Большие затраты экономических ресурсов на раскопки, консервацию и показ мест археологических раскопок делают вполне правомерным вопрос: «Почему общество должно соглашаться с этими расходами и на что оно вправе рассчитывать взамен?» Иначе говоря, как подчеркивает Христос Думас, концепция сохранения археологического участка должна быть предельно четкой и понятной, чтобы государственная политика, направленная на спасение культурного наследия, в то же время гарантировала бы обществу рациональное использование его усилий и средств. Автор настоящей статьи является профессором кафедры истории и археологии Афинского университета.

Интерес человека к своему далекому прошлому теряется в глубине веков и находит отражение в мифах, существующих во всех культурах. Развалины и руины архитектурных сооружений или древние погребения, считающиеся могилами героев и легендарных предков, всегда обладали особой притягательной силой и вызвали почтительное к себе отношение. Действительно, для многих народов эти древние памятники являются своего рода свидетельством на право владения данной территорией. Более того, существует множество примеров того, как захватчики и завоеватели разрушали памятники или кладбища, чтобы уничтожить этническую самобытность тех, кого они поработали. Поэтому такое значение для того или иного народа имеет сохранение уже открытых и обнаружение других памятников.

Это значение уменьшилось — если не исчезло вовсе, — после того, как археология стала научной дисциплиной, а раскопки — ее основным методом исследования. В стремлении приблизиться к далекому прошлому, а точнее к эпохам, от которых не сохранилось письменных источников, археологи с помощью этого метода на протяжении последних двухсот лет открыли множество памятников. Однако раскопки как часть исследовательского процесса уже по определению являются деструктивным методом: они уничтожают среду и условия, в которых археологические свидетельства находились на протяжении тысячелетий. После проведения таких разрушений в целях обнаружения какого-либо памятника последний сразу попадает в новую среду и новые условия, зачастую враждебные для него, что делает невыполнимой задачу его дальнейшего сохранения. То есть раскопки можно уподобить книге, каждая страница которой уничтожается тотчас после ее прочтения. Таким образом, исчезает информация, хранящаяся в культурном слое и связанная с историей памятника с момента его создания вплоть до археологического вмешательства. Поэтому столь велика ответственность тех, кто осуществляет раскопки, и организации, принимающей решение об их проведении. Каковы же критерии для принятия решения о проведении

раскопок? Помочь сформулировать их способны ответы на следующие вопросы: «Почему я копаю?», «Что я копаю?», «Как я копаю?».

«Почему я копаю?»

Очевидно, что единственная цель археологических раскопок состоит (или должна состоять) в том, чтобы развивать научные исследования в области изучения прошлого. Такие раскопки часто объединяются с образовательным процессом, служа лабораторией, где молодые ученые обучаются в ходе проведения археологических исследований. Однако опыт свидетельствует о том, что научные исследования порой служат предлогом для осуществления иных, зачастую корыстных, целей. Причем здесь мы не имеем в виду разграбление могил, то есть проведение незаконных раскопок исключительно в целях обнаружения и последующей продажи находок — древних произведений искусства, которые можно унести или увезти с собой.

В последнее время в Греции сельские мэры всячески ратуют за проведение раскопок на территории своих деревень. Не потому, что сами они или их односельчане хотят узнать древнюю историю родной местности, — хотя последнее и возможно, в действительности такие мэры встречаются крайне редко, — а для привлечения туристов. В соединении туризма с археологией и памятниками прошлого они видят своего рода панацею от всех бед. Поскольку весьма широкое распространение получило мнение о том, что туризм приносит богатство, раскопки с целью обнаружения памятников считаются важным фактором процветания данного региона. Эта используемая для извлечения определенной выгоды концепция о пользе раскопок на деле лишь немногим отличается от мотивов, лежавших в основе проведения раскопок в прошлом, когда после освобождения греческого народа от турецкого ига встал вопрос об утверждении его национальной самобытности. В обоих случаях раскопки вряд ли могут рассматриваться исключительно как метод научного исследования. Поскольку заданная цель здесь не яв-

ляется чисто научной, существует большая опасность манипулирования данными. Подобные цели не могут служить оправданием проведения раскопок.

Разумеется, иногда проведение раскопок в экстренном порядке бывает просто необходимым — когда речь идет о спасении памятников или получении информации о них в случае, если им грозит гибель, например в ходе строительных работ.

«Что я копаю?»

Прежде чем вскрывать какой-либо памятник, чрезвычайно полезно предварительно собрать о нем сведения, что поможет решить множество проблем, возникающих в процессе раскопок. Причем существуют проблемы, характерные именно для конкретного типа памятников: отдельных построек, комплексов памятников или поселений, кладбищ или заброшенных захоронений. Для их решения требуются особые подходы, оборудование и методы, а также соответствующие специалисты. Так, предметы, обнаруженные при раскопках поселения, отличаются от тех, что найдены в захоронениях. Последние представляют собой специфический контекст, и в них могут находиться материальные свидетельства, которые обычно в земле не сохраняются: органические материалы, кость, предметы из кожи, папирусы и т.д. Как правило, они очень хрупкие и могут разрушиться при внезапном перемещении в другую среду. Если же археолог заранее осведомлен о том, что во время раскопок ему предстоит встретиться с подобными предметами, он будет лучше подготовлен к проведению работ по их извлечению и консервации.

«Как я копаю?»

Исходя из того, что раскопки, по определению, представляют собой процесс разрушения, те, кто их осуществляет, должны прежде всего позаботиться о том, как собрать максимум информации, сохранить ее и обеспечить доступ к ней в будущем. Поскольку раскопки — это книга, которую можно прочитать лишь однажды, за-

дача читателя, то есть того, кто осуществляет раскопки, состоит в том, чтобы понять ее как можно полнее. Он должен также задокументировать извлекаемую из культурного слоя информацию таким образом, чтобы в идеале можно было бы реконструировать ту среду (или контекст), в которой она хранилась. Таким образом, в силу разрушительной природы раскопок, их проведение может быть оправдано лишь в том случае, если документирование информации создаст потенциальную возможность для реконструкции этой среды. При современной технологии проведения раскопок такое детальное документирование осуществляется в виде описаний (дневников), планов или зарисовок, фотографий, кино- или видеопленок, слепков и т.п.

«Поскольку обнаружение древностей и их взаимодействие с новой, обычно враждебной для них средой происходит неожиданно, к консервации приступают, как правило, уже в раскопе, где им оказывается "первая помощь"». На снимке: статуи эллинистического периода (4—3 века до нашей эры), найденные в 1995 году в Лукосе (Греция).

© Argypoulos/Sipa Press

Основным условием проведения раскопок является постоянное присутствие специалистов в области консервации находок данного типа. Поскольку обнаружение древностей и их взаимодействие с новой, обычно враждебной для них средой происходит неожиданно, к консервации приступают, как правило, уже в раскопе, где им оказывается «первая помощь». Существует ошибочное убеждение, что консервация находок начинается в лаборатории. Но если это случается, то она часто оказывается запоздалой.

В связи с высокой стоимостью археологических раскопок число «систематических», то есть плановых, работ такого рода в последние годы резко сократилось. В то же время осуществление в результате экономического развития крупных технических проектов способствовало значительному увеличению числа и масштабов неотложных работ, так называемых «раскопок по спасению». Начиная с древнейших времен, люди создавали свои поселения, выбирая для них места, наилучшим образом подходящие для этого с точки зрения геоморфологии, естественных ресурсов и климатических условий. История постоянного проживания людей на территории почти всех современных городов Греции насчитывает несколько тысячелетий. Афины, Пирей, Фессалоники, Патры, Лариса, Волос, Фивы, Аргос, Эйон — вот лишь несколько примеров больших или малых городов, каждый из которых имеет тысячелетнюю историю, скрытую под современными зданиями, в многометровом культурном слое. Поэтому любые работы, связанные с интенсивным освоением городской земли в целях возведения многоэтажных зданий или развития городской инфраструктуры: систем водоснабжения, дренажа, канализации, электроснабжения, коммуникационных сетей и т.п., должны вестись с учетом наличия в земле ценных древностей. Примером подобного рода может служить строительство подземки в Афинах, превратившее город в огромную строительную площадку.

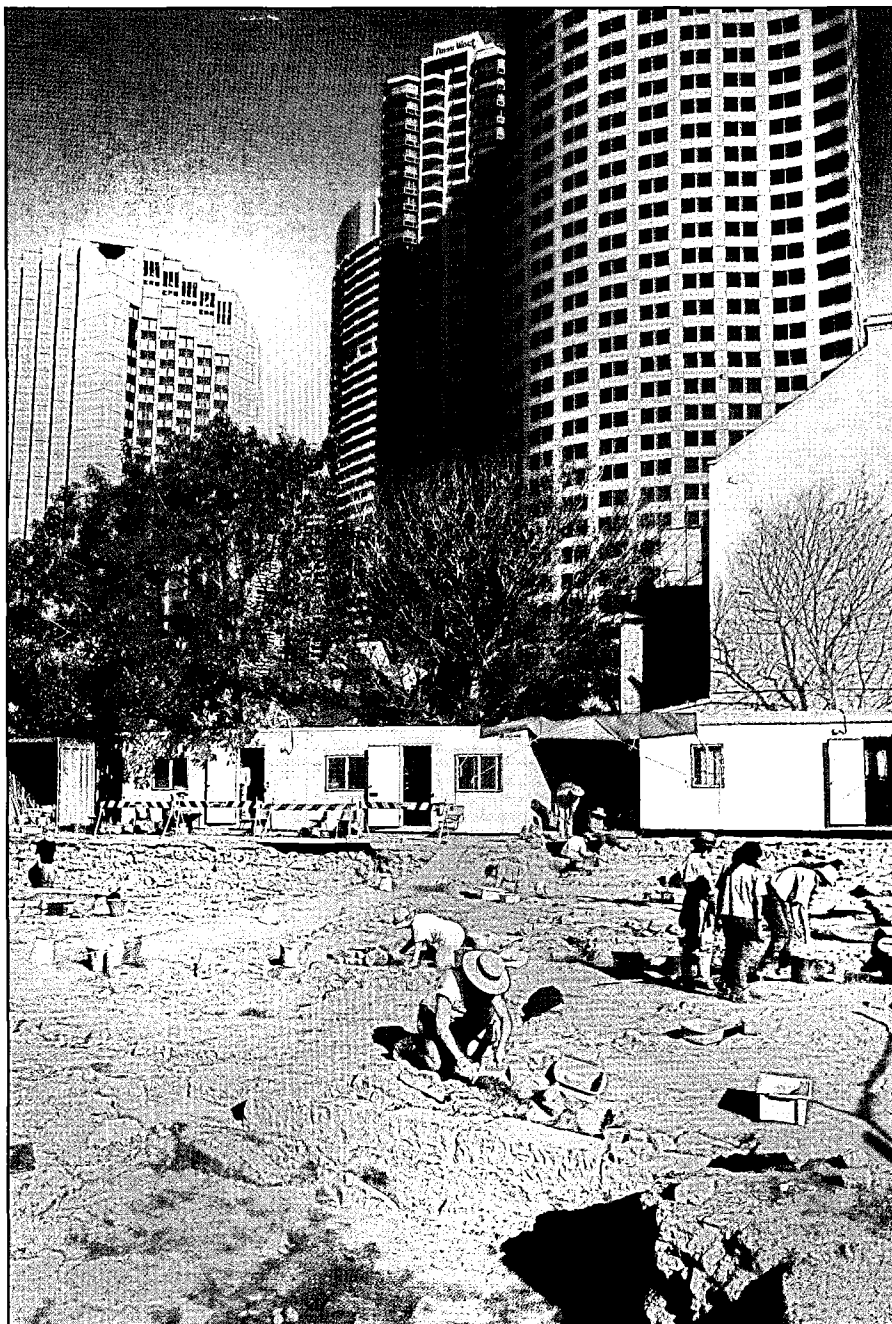
Проведение строительных и других аналогичных работ в греческих городах и за их пределами означает, что

отделы древностей по всей стране вынужденно превратились в бесчисленные бригады по проведению раскопок, работающие под постоянным — то возрастающим, то ослабевающим — прессом разнообразных экономических интересов и перед угрозой применения различных землеройных машин. Вред от подобных операций под названием «раскопки по спасению» очень велик. Первая и самая крупная проблема связана с отсутствием координации в действиях различных государственных служб. К процессу принятия решений, связанных с осуществлением того или иного проекта, не привлекается Археологическая служба — единственный орган, который, в соответствии с Конституцией Греции, отвечает за раскопки и защиту древностей. Поэтому часто приходится прерывать уже начатые работы, чтобы провести раскопки. Подобная организация работ не только влечет за собой увеличение расходов, но и отрицательно сказывается на состоянии древностей. Соответствующий отдел древностей постоянно находится в тревожном ожидании самых разных неприятностей и должен быть готов приступить к раскопкам без предварительного изучения участка и характерного для него вида памятников. В подобных случаях очень трудно должным образом планировать ход раскопок.

Раскопки на территории города: особая проблема

Рост числа «раскопок по спасению», особенно на территории городов, таит в себе для древностей целый ряд опасностей иного рода. Непрерывное обнаружение большого числа находок — как движимых, так и недвижимых — делает невозможной их немедленную консервацию. В результате недвижимые памятники подвергаются разрушению с самого начала, еще до окончания их документирования, а движимые предметы попадают в набитые до отказа и непригодные временные хранилища, где находятся до тех пор, пока — неизвестно когда — придет и их очередь и они будут отмыты, очищены и пройдут консервацию. Что касается их изучения и выводов относительно истории места, где они хра-

© Gérard Bouthin, Hoquai, Paris

нились на протяжении тысячелетий, то об этом лучше вообще не говорить.

Следует признать, что в последние десятилетия наблюдались определенные успехи в сохранении наиболее интересных недвижимых памятников, находящихся под городскими постройками более позднего времени. Но проблема принимает более сложный характер, когда древний памятник расположен на территории, являющейся собственностью нескольких современных владельцев, и осуществить его изучение, документирование и оценку в полной мере не представляется возможным.

Один из применяемых в Греции методов защиты памятников состоит в том, что после окончания раскопок участок, на котором они были обнаружены, снова засыпают. Этот способ, применяемый как в городах, так и в сельской местности, возможно, представляется наиболее надежным для сохранения памятников.

Еще один эффективный метод — возведение навеса или крыши над отдельными памятниками или их группами. Это позволяет сохранять памятники, которые в то же время открыты для обозрения и посещения и, таким образом, являются доступными как для специалистов, так и обычных посетителей. Однако, помимо значительных финансовых затрат, возведение такого защитного навеса чревато искажением природного ландшафта. В последние годы предпринимаются попытки сократить неблагоприятное воздействие на окружающую среду путем поиска решений, учитывающих местные условия. Так, покрытие, возведенное над погребальным комплексом в подземной пещере в Вергине (Западная Македония), позволило восстановить первоначальную форму могильного холма, возвышавшегося над царским захоронением. Под землей будет возведена и крыша над относящимся к бронзовому веку городом в Акротири на о-ве Тира (Фера), который в середине 17 века до нашей эры был полностью погребен под толстым слоем вулканического пепла. Возведение покрытий создает также возможности для музейного показа. Меры по сохранению памятников в

сочетании с организацией на месте раскопок тематических экспозиций повышают образовательную ценность археологических достопримечательностей и способствуют более живому восприятию посетителями истории общества, создавшего подобные образцы.

Усилия, предпринятые в целях защиты и сохранения памятников, свидетельствуют о том, что каждый такой случай уникален и требует индивидуального подхода. При выборе способа сохранения свидетельств прошлого следует принимать во внимание не только стоимость, но и цель таких мероприятий. Например, если для обеспечения сохранности памятника требуется засыпать его землей, то он не может использоваться в целях туризма или образования, поскольку становится недоступным для обозрения и посещения. ■

«Любые работы, связанные с интенсивным освоением городской земли... должны вестись с учетом наличия в земле ценных древностей». Строительные работы, проводившиеся в районе Рокс австралийского города Сиднея, были прерваны после того, как в 1995 году здесь был обнаружен ценный археологический участок.

Возвращенный к жизни Экеторп: многолетняя научная дискуссия

Бенгт Эдгрэн
(Bengt Edgren)

Идея археологической реконструкции вызывает яростные споры между ее противниками и сторонниками. Бенгт Эдгрэн, сотрудник шведского Центрального управления национальных древностей (Национальные исторические музеи), рассказывает о том, как путем проведения тщательной реконструкции возрождается к жизни археологическое наследие, как воссозданный исторический памятник становится источником постоянных научных открытий, туристическим и экономическим объектом, а также просветительским центром. Благодаря соединению раскопок и реконструкции, интересов посетителей и археологов в Экеторпе, на его взгляд, был достигнут потрясающий успех, а экспериментальная часть проекта подчас подводила археологов к необходимости пересмотра и новой интерпретации результатов раскопок.

Первой археологической реконструкции в Скандинавии подверглось жилище каменного века, воссозданное в Дании в 1879 году. Это строение по-прежнему стоит в музее под открытым небом в Оденсе. В Швеции первые попытки проведения такого эксперимента были предприняты в 1919 году по инициативе шведского этнолога Эрнста Клейна. При содействии графа Эрика фон Розена эксперимент проводился в его поместье Рокельстад к югу от Стокгольма. К работе были привлечены двое студентов, имевших соответствующие физические данные, с тем чтобы они могли изображать людей каменного века в течение лета 1919 года. Это означало, что они сами занимались поиском еды для своего пропитания и сами строили жилище с помощью орудий, являвшихся точной копией тех, которыми пользовались в каменном веке. Этот эксперимент описан Клейном в его книге *Жизнь в каменном веке*¹, где он поясняет, что хотел получить четкое представление о технических проблемах, с которыми сталкивались люди той эпохи, и по возможности найти их решение. Жизнь в схожих условиях в большей степени способствовала поиску предполагаемых выводов, чем теоретический анализ материалов каменного века.

Заявление Клейна вполне понятно. Практические эксперименты зачастую превосходят теоретические гипотезы. Я полагаю, что это мнение находит

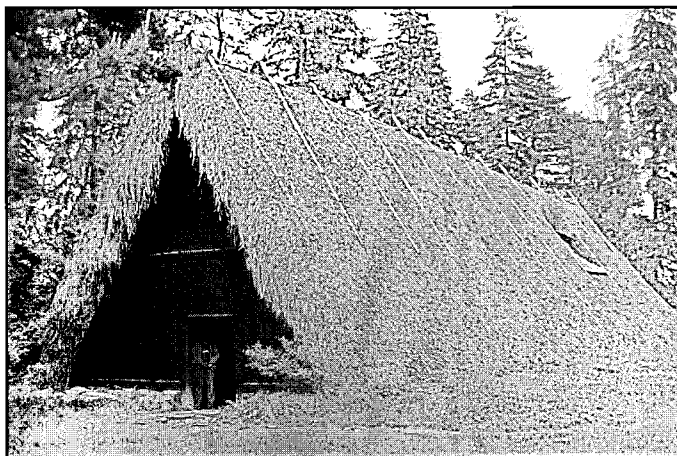
отражение в большинстве проектов, связанных с археологической реконструкцией, хотя в той или иной степени оно разделяется различными археологами.

Следующая реконструкция в Швеции была проведена в 1932 году в Лойсте на острове Готланд в Балтийском море. По завершении раскопок жилища железного века периода миграции (400—550 годы) принимавшие в них участие археологи обратились с просьбой к генеральному директору Центрального управления национальных древностей в Стокгольме разрешить им построить заново это жилище на том же месте. Разрешение было получено при условии, что остатки открытого жилища будут защищены слоем почвы. Воссозданный объект в Лойсте сохранился по сей день, став полноправным памятником.

После воссоздания памятника в Лойсте реконструкция археологических объектов на территории Швеции более не производилась, пока Центральное управление национальных древностей не приступило к воссозданию круглого в плане укрепления Экеторп. Экеторп расположен на острове Эланд, к востоку от материковой части Швеции, где зарегистрировано свыше 10 тыс. доисторических памятников. Большинство из них датируется железным веком и представляет собой различные захоронения.

Наиболее важное свидетельство повседневной жизни железного века — это более 1300 сохранившихся домов с общей системой ограждения. Здесь насчитывается по крайней мере 15 круглых в плане укреплений, возведенных в начале железного века. Самый южный из них — Экеторп. Доисторические памятники на Эланде настолько бросаются в глаза, что все приезжающие на этот остров не могут не восхищаться ими и обязательно задают вопросы относительно их истории и предназначения. Поэтому способ объяснения этого посредством их реконструкции представляется более естественным и логичным на Эланде, чем в любой другой части Швеции.

© Bengt Edgren

Жилище железного века, восстановленное в Лойсте в 1932 году.

Экеторп был описан знаменитым шведским ученым Карлом фон Линнеем, посетившим остров в 1741 году. Он писал: «Мы видели лежавшее в руинах круглое в плане укрепление Экеторп, расположенное в четверти мили от восточного побережья, которое некогда было самым великолепным укреплением на этом острове: две противоположные точки его диаметра находились друг от друга на расстоянии мушкетного выстрела, а в центре имелся колодец, и сейчас полный воды. Несомненно, подобные укрепления служили островитянам убежищем в период, предшествовавший изобретению пороха и пуль»².

После посещения острова Линнеем и до придания — уже в наши дни — Экеторпу статуса одного из самых посещаемых археологических музеев Швеции раскопки проводились здесь лишь однажды — с 1964 по 1973 год. Они подтвердили предположения Линнея о том, что в древние времена данное укрепление служило островитянам убежищем.

Раскопки

При проведении раскопок было обнаружено три разных поселения, названных Экеторп I, Экеторп II и Экеторп III. Эти поселения существовали на одном и том же месте, то есть одно поверх другого: Экеторп I на нижнем уровне, а Экеторп III наверху.

Экеторп I имел круговые стены диаметром 57 м. На юге располагались ворота, а внутри — примерно 20 домов, сгруппированных вокруг центральной площади. Это укрепление было построено в IV веке нашей эры.

Экеторп II был возведен непосредственно за Экеторпом I, и новые круговые стены имели в диаметре 80 м. Таким образом, огражденное пространство увеличилось вдвое. К воротам на южной стороне прибавились ворота на севере, а также небольшие ворота на востоке, ведущие к пруду, находившемуся в непосредственной близости от стен укрепления. На огороженной территории располагается

53 постройки: 23 жилых дома, 12 конюшен, 12 хранилищ и 6 строений многофункционального назначения. Большинство домов располагалось вдоль стен, однако ряд сооружений образовывал ансамбль неправильной формы в центре укрепления. Поселение Экеторп II было покинуто людьми в VII веке.

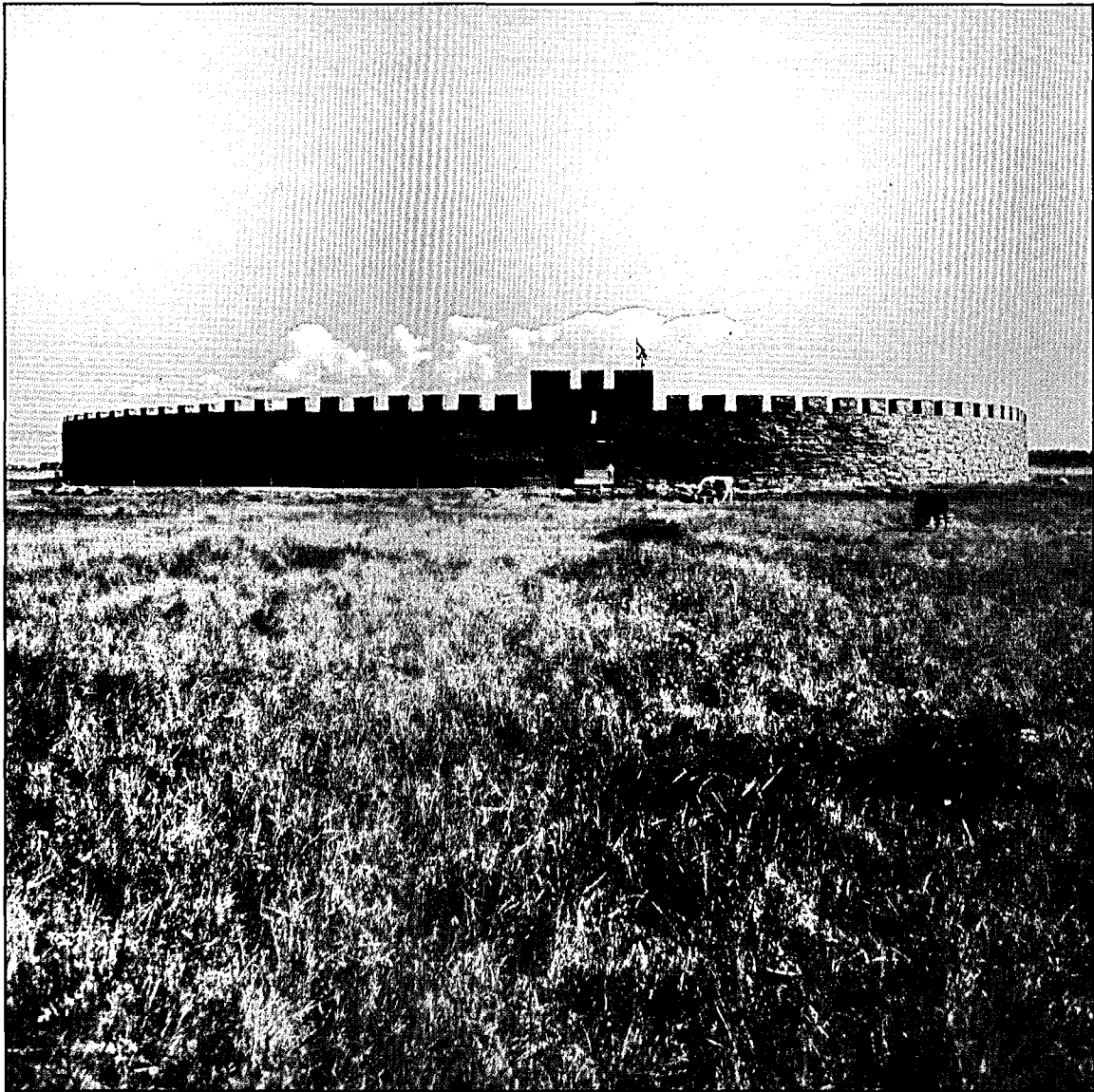
Экеторп III относится к позднему периоду «эпохи викингов» и раннему средневековью. Он занимал территорию Экеторпа II, но для него характерен совершенно иной тип строений. Его ограждение было значительно укреплено путем ликвидации всех ворот, за исключением южных: северные и восточные ворота были заложены. Снаружи круговых стен на расстоянии 10 м была дополнительно возведена невысокая стена. Экеторп III просуществовал с XI по XII век, когда был окончательно покинут людьми.

По завершении раскопок генеральный директор Центрального управления национальных древностей назначил рабочую группу в целях разработки проекта будущего Экеторпа. Ее члены пришли к выводу, что укрепление должно быть частично восстановлено, для этого были определены следующие принципы.

Восстановленные объекты должны давать представление о том, как выглядели два последних поселения, располагавшихся на этом месте.

Посетители должны получать информацию о результатах раскопок и свидетельствах материальной культуры, обнаруженных в процессе работ в их естественноисторическом контексте, иметь возможность знакомиться с археологическими фактами, которые служат основой для проведения реконструкции.

Отсутствие археологических свидетельств и фактов должно быть компенсировано научной гипотезой, подкрепленной ссылками на соответствующие этнологические параллели, а сама реконструкция должна рассматриваться как вклад в научную археологическую дискуссию.

© Rolf Salomonsson

Восстановленная круговая стена
Экеторпа.

«Жизнь» воссозданного укрепления должна поддерживаться путем проведения различных научных экспериментов и деятельности, направленной на установление диалога между посетителями и учеными.

Работы на территории археологического участка должны проводиться с учетом окружающего ландшафта и исторических аспектов.

Сегодня восстановлено три четверти стены, а также одни ворота. Внутри укрепления воссоздано пять жилищ периода миграции, а также четыре средневековых дома, принадлежащих последнему поселению.

Генеральный директор Центрального управления национальных древностей Роланд Польссон так обосновал принятое в то время решение относительно осуществления этого крупномасштабного проекта.

В постоянных инструкциях, разработанных правительством и риксдагом, придается огромное значе-

ние возрождению культурного наследия. Существует большой интерес к археологическим находкам и памятникам культуры, а «культурный туризм» является важным, но подчас игнорируемым аспектом организации нашего досуга, особенно в период летних отпусков.

Однако, несмотря на свое непосредственное влияние, археологические памятники зачастую трудно поддаются «дешифровке», и в этом случае они не сообщают никакой информации и не рассказывают о прошлом жизненном опыте, как того ждут от них. До недавнего времени шведские археологи очень осмотрительно относились к реконструкции, во всяком случае с большей осторожностью, чем их коллеги в других европейских странах. Как ученых, их останавливало осознание ограниченности своих знаний и неизбежного влияния современных идей на реконструкцию.

Воссозданный памятник не будет исторически достоверным на все сто процентов. Конечно, реконструкция, насколько это возможно, будет основываться на обширном материале, полученном в результате научных исследований, но ее также можно рассматривать в качестве предмета постоянно ведущейся научной дискуссии. Пробелы в имеющейся документации будут заполнены гипотетически, путем реконструкции в целях создания иллюзии, направленной на воспроизведение каких-либо аспектов повседневной жизни в доисторические времена³.

Из этого высказывания видно, что эксперимент в Экеторпе сознательно положил конец традиции, давно бытовавшей в Швеции, следуя которой ученые избегали работать с реконструкцией в любой ее форме, особенно на месте археологических раскопок памятника. Осознание слабости археологической базы компенсируется возможностью возрождения к жизни культурного наследия в интересах широкой публики.

Сегодня можно сказать, что в Экеторпе был сделан первый шаг по пути осознания необходимости объяснять сложные результаты археологической работы широкой публике, чтобы она поняла и с волнением восприняла их. Реконструкция также стала полноценным инструментом образования и воспитания. Сегодня также признается тот факт, что реконструкция способствует углублению знаний. Благодаря работе в Экеторпе получены новые сведения о миграции населения и строительстве в период раннего средневековья. Она также способствовала пониманию функционального назначения построек в Экеторпе и самого укрепления.

Реконструкция

Много усилий потребовала реконструкция кирпичной кладки стены из сухого известняка из Экеторпа II. Она составляет примерно 250 м в длину, 5 м в толщину у основания, а наиболее сохранившиеся части стены достига-

ют в высоту более 2 м. Подлинную стену при реконструкции по возможности не трогали, и в некоторых местах она так и осталась 2-метровой высоты, однако на других ее участках, где камень подвергся сильной эрозии и где она имела значительные разрушения, стена была полностью снесена. Воссоздание стены проводилось на основе анализа ее поперечного сечения. С помощью уцелевших обломков строительного материала высота сохранившихся участков стены была доведена до минимального первоначального уровня — почти 5 м. Парапетное ограждение на верху стены добавило еще 2 м. Однако не существует материальных свидетельств парапета, сохранившихся в Экеторпе. И это является хорошим примером дилеммы, возникающей перед археологами, когда при реконструкции они

Экеторская свинья — вновь выведенная порода, внешне похожая на ту, что водилась в железном веке.

© Anders Johansson

вынуждены выходить за пределы своих знаний.

Решая проблему, как закончить верх стены, мы сочли, что лучшим парапетом, который можно скопировать, будет римский, поскольку между Эландом и Римской империей поддерживались тесные контакты, о чем свидетельствуют чужеземные предметы, найденные в захоронениях Эланда и в самих поселениях. Вполне допустимо предположить, что люди, возводившие Экеторп, были прямо или косвенно знакомы с римскими фортификационными сооружениями. Поэтому мы построили парапет с бойницами соответственно римским пропорциям. И хотя все это было ранее воспроизведено на рисунках Экеторпа и не подвергалось каким-либо критическим замечаниям, теперь нас обвиняли в том, что мы зашли слишком далеко. Могли ли быть парапеты, сделанные не из дерева? Действительно ли в те давние времена на Эланде существовал парапет с бойницами?

В качестве отправной точки при реконструкции домов в Экеторпе II принимаются сохранившиеся стены, расположение ям, вырытых под столбы, и обнаруженных в домах опор, а также другие каменные сооружения, указывающие на функции помещений, такие, как очаг в жилых домах, стойло в конюшне и характерный каменный пол в амбарах.

От домов периода средневековья сохранились каменные пороги, по которым можно определить расположение стен. Данный тип домов представляет собой деревянную стержневую конструкцию с горизонтальной обшивкой досками, который сохранился на Эланде в своей архаичной форме. Поэтому мы имеем все основания считать, что эта строительная традиция на острове восходит к раннему средневековью.

Все строительные материалы, использовавшиеся при возведении Экеторпа, местного происхождения: известняк для стен, дуб для стропил, камыш с берегов Эланда и торф с Алварской равнины, на которой расположено

укрепление. Все материалы, применение которых не противоречит результатам раскопок и которые по-прежнему встречаются здесь или, как это зафиксировано в документах, использовались в древних постройках на Эланде, могут пройти надлежащую проверку при реконструкции.

Мы использовали технику, если она не влияла на качество восстановительных работ, ускорила работу и резко снижала затраты. Покупаемый нами камень дробился с помощью взрывчатки, доставлялся в Экеторп на грузовиках, а затем его поднимали с помощью специального лифта и устанавливали на стене.

Большие деревья, идущие на строительство домов, спиливали электропилами, а затем обрабатывали топором для придания необходимой формы и размеров. Отверстия для деревянных гвоздей просверливались вручную, а разного рода соединения выполнялись с помощью топора, ножа и стамески. При строительстве средневековых жилищ использовались только копии инструментов раннего средневековья.

Прием посетителей

Экспериментальный аспект работы в Экеторпе, конечно, заключается в самом строительном процессе и использовании обширных знаний о различных строительных методах, практиковавшихся в Экеторпе. Значительная разница между реконструкцией на бумаге и на практике неудивительна, тем не менее следует отметить такой факт: то, что выглядит трудным на бумаге, подчас легко дается в жизни, и наоборот. Мы узнали, что строительные модели, которые на самом деле не так уж малы, удачно соединяют между собой эти две стадии.

Работы в Экеторпе в том числе способствовали знакомству широкой публики с археологией. Для этого как нельзя более подходят летние месяцы, когда проводятся восстановительные работы и Экеторп открыт для посетителей. Они всегда имеют возможность

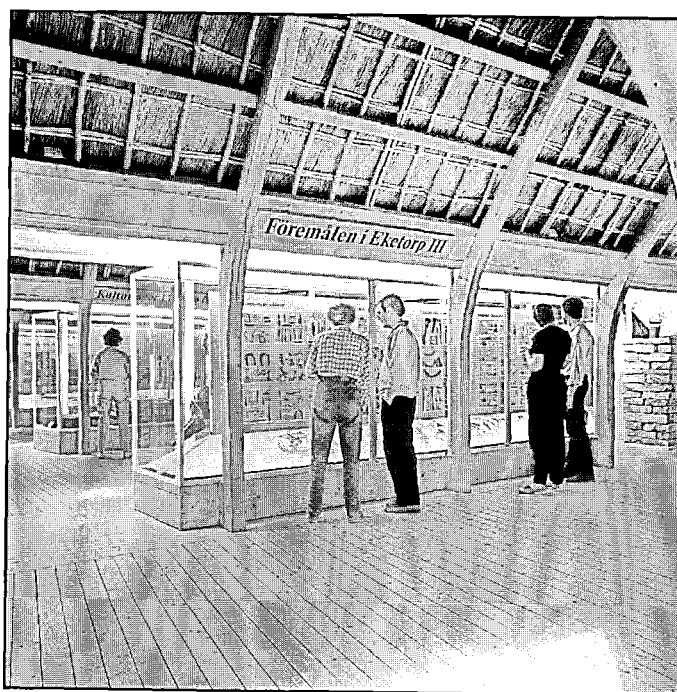
задать вопросы археологам и строительным рабочим различных специальностей. Это значительно тормозит работу, но нам кажется, что такое тесное общение того стоит.

С начала восстановительных работ в 1974 году Экеторп посетило свыше 1,7 млн человек. За 4-месячный летний период сюда приезжает более 100 тыс. посетителей. За один сезон проводится более 1 тыс. экскурсий, которые ведут дипломированные специалисты просветительных отделов музеев. Во время специальных экскурсий для детей им показывают животных, которые свободно разгуливают по территории музея. Всеобщей любимицей стала здесь экеторпская свинья. Она появилась на свет в результате осуществления проекта по выведению новой породы свиней, внешне напоминающих тех, что водились на территории Экеторпа в железном веке. Этот проект основывается на остеологическом материале, полученном при раскопках.

В специально построенной археологической мастерской дети вместе с родителями могут своими руками выковать наконечник для стрелы, вылепить горшок времен железного века, приготовить обед по средневековым рецептам, а потом съесть его, выткать ткань на вертикальном ткацком станке или послушать, как звучат музыкальные инструменты железного века.

На территории укрепления был построен музей в целях экспонирования на месте некоторых археологических находок и разъяснения сведений, полученных в результате раскопок. Своей архитектурой и использованными материалами музей напоминает дома Экеторпа II периода миграции. Хотя стены музея не являются подлинными, их расположение повторяет оригинальную планировку, а на фасаде здания, выходящем на западную площадь, были воспроизведены дверные проемы железного века; камень для северной и южной стен взят из старых домов центрального квартала.

Множество современных деталей музейного здания — деревянные полы, застекленные окна и верхнее освеще-

© Karl Erik Granath

Интерьер музея в Экеторпе.

ние, несущие конструкции в виде арок и современная экспозиция — говорит посетителям о том, что музей не является частью восстановленного подлинного укрепления. Экспозиция состоит из почти 26 тыс. экспонатов, остальные находки хранятся в Музее национальных древностей в Стокгольме.

По своему опыту работы с посетителями Экеторпа я понял, что их интересуют главным образом не памятники и свидетельства материальной культуры, обнаруженные в результате раскопок, а люди, которые здесь жили когда-то. В большинстве своем они задают вопросы относительно их повседневной жизни: где спали, где был их туалет, купались ли в море, чем играли их дети, на каком языке говорили. В то же время им трудно понять, что доисторические люди были такими же, как и мы с вами, и что на Эланде они хорошо питались и были почти такого же роста, как и мы сегодня, и что по своему умственному развитию они не уступали нам. Воссозданный Экеторп помогает людям лучше понять это; реконструкция делает доисторический период менее загадочным и более человеческим. ■

Примечания

1. Ernst Klein, *Stenåldersliv* [Жизнь в каменном веке], pp. 48 et seq., Stockholm, 1920.
2. Carl von Linné, *Öländska resa förrättad*, 1741 (edited with comments by Bertil Molde) Stockholm 1962.
3. Roland Pålsson, 'Why We Banked on Eketorp', *ICOMOS Bulletin* (Uddevalla), No. 6, 1981, p. 188.

Луксорский музей древнеегипетского искусства: проблема изобилия

Маделин И. эль-Маллах
(Madline Y. El Mallah)

Можно с уверенностью сказать, что город Луксор — это колыбель всего культурного наследия человечества, но в то же время он остается городской средой, которая должна удовлетворять повседневные нужды его населения. Как вовлечь местное население в осуществление программы расположенного в археологической зоне музея, являющегося одним из основных международных туристических объектов, — с такой проблемой столкнулся Луксорский музей древнеегипетского искусства. Автор статьи является директором музея.

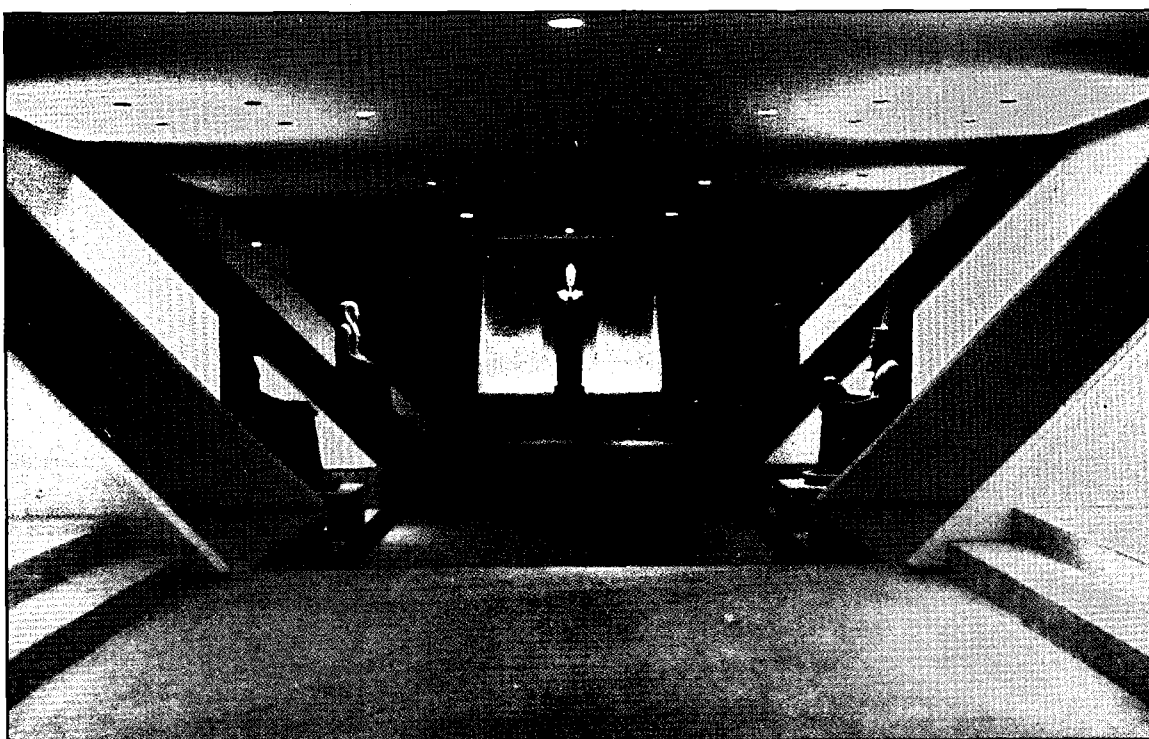
Луксорский музей древнеегипетского искусства размещается в исключительном месте — в древнем и всемирно известном городе Луксоре с населением около 70 тыс. человек, который находится примерно в 670 км к югу от Каира, столицы страны. Музей превосходно расположен на дороге, идущей вдоль нильского карниза, параллельно великой реке Нилу и связывающей храмы Луксора и Карнака, напротив Рамессеума, стоящего на западном берегу. Река пересекает центр города, разделяя его таким образом на два района.

Первый, расположенный на восточном берегу, составляет большую и наиболее важную часть города. Именно здесь находились древние Фивы, являвшиеся столицей Египта в течение более трех столетий, в период правления XVIII и XIX династий Нового царства (1550—1196 годы до нашей эры). Второй район города размещается на западном берегу Нила, где древние египтяне возвели заупокойные храмы в честь богов в непосредственной близости от царских гробниц умерших фараонов.

Были построены величественные храмы, предназначенные для поклонения богу Амону, его супруге богине Мут и их сыну Хонсу, которые вместе составляют так называемую фиванскую триаду. Луксорский храм расположен в южной части города, а карнакский — в северной.

С самого начала истории города у него были разные имена: в период Древнего царства египтяне называли его Уасет и считали его Ну Амон, или городом Амона. Греческое название города — Фивы. После вторжения на территорию Египта римляне возвели вокруг луксорского храма большой военной гарнизон. Когда арабские завоеватели увидели остатки его укреплений, они приняли их за дворцы, поэтому дали им название *аль-уксур* (*al-uqsur*), что является множественным числом от слова *каср* (*qasr*), означающего «крепость» или «дворец». Затем это название претерпело искажение в европейских языках, в результате чего возникло современное имя города — Луксор.

Фотография предоставлена автором

Общий вид тайника, открытого 21 декабря 1991 года.

Богатства Египетской империи, которая в период Нового царства простиралась от Средиземного моря на севере до третьего катаракта (порога) на юге, стекались в Фивы, что делало его наиболее процветающим городом мира и нашло отражение в развитии здесь различных видов искусства и архитектуры. Вот почему Луксор изобилует великолепными и ни с чем не сравнимыми в мире памятниками древности фараонов, благодаря которым он превратился в музей человеческой истории и древних цивилизаций под открытым небом.

Принимая во внимание несметное количество редких и ценных памятников древности, обнаруженных в Луксоре, Министерство культуры Египта в 1962 году задумало построить там музей. В связи с этим оно поручило ведущему египетскому архитектору, инженеру Махмуду аль-Хакиму разработать необходимые инженерный и архитектурный проекты. Строительство здания было завершено в 1969 году, и новый музей получил статус регионального музея древностей, найденных в Луксоре. Экспонаты скрупулезно отбирались из числа сокровищ, имевшихся в местных хранилищах, и, после того как были созданы экспозиции как внутри здания, так и под открытым небом, 12 декабря 1975 года состоялось официальное открытие музея. Когда посетители покидают музей, перед ними открывается фантастическая панорама западного берега Нила.

Залы музея располагаются на двух уровнях, связанных между собой двумя пандусами. Были использованы новейшие музейные методы экспонирования, с тем чтобы подчеркнуть художественную ценность памятников. Они основаны на применении искусственного освещения, темно-серого фона стен и потолка, а также простых оснований и витрин для размещения экспонатов. Это позволило избежать перегруженности экспозиций предметами, которые можно спокойно рассматривать по отдельности. Это вызывает у посетителей чувство непринужденности и внутренней раскованности и, как следствие, располагает к

полному погружению в созерцание конкретного произведения искусства.

На тайник луксорского храма (см. ниже) наткнулись совершенно случайно в 1989 году, когда брали обычную пробу земли с территории двора фараона Аменхотепа III. Здесь были найдены хорошо сохранившиеся уникальные статуи различных богов, богинь и фараонов, исключительные по своей красоте и величии. После обнаружения тайника было решено отвести специальное помещение для демонстрации этих бесценных сокровищ. В результате был создан новый зал и разработан новаторский метод экспонирования необыкновенной коллекции.

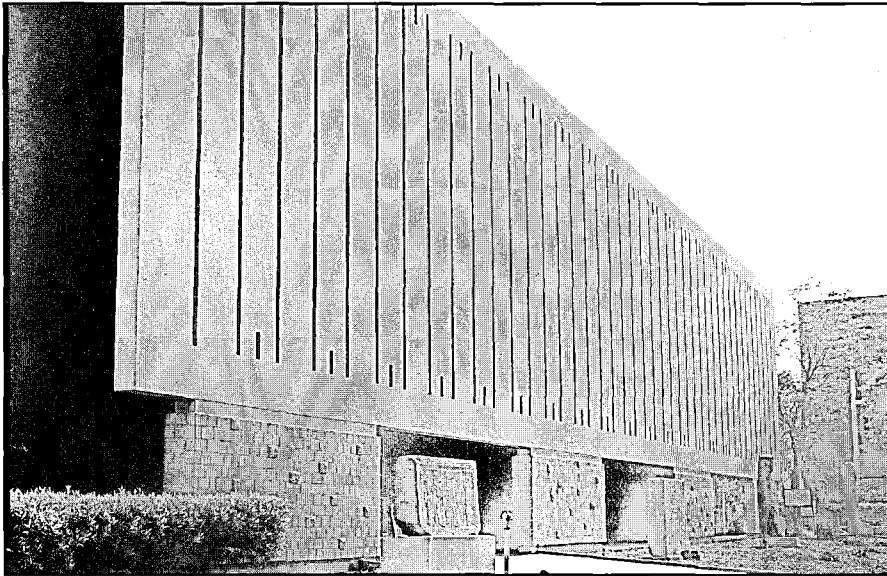
В общем все экспонаты музея были в свое время обнаружены во время раскопок на этой территории и перенесены в музей из хранилищ, в которых они находились. В музее также есть экспонаты, возвращенные Египетским музеем в Каире туда, откуда они ведут свое происхождение, в Луксор, где их нашли в числе прочих предметов погребального культа фараона Тутанхамона, чья гробница была обнаружена в 1922 году.

Создавать ценности для общества

Понятие «музей» больше не ограничивается тем местом, где хранят, экспонируют и преподносят публике предметы искусства прошлых цивилизаций, как того требует их художественная и историческая ценность. Напротив, теперь смысл слова «музей» расширился и означает авторитетное учреждение культуры, которое играет в обществе важную роль в деле образования, развития человеческой мысли и повышения уровня осведомленности о цивилизации, искусстве и истории.

С момента открытия Луксорского музея его сотрудники столкнулись с серьезной проблемой. Располагаясь в Луксоре, изобилующем памятниками древности и являющемся одним из самых притягательных центров для туристов всего мира, музей в настоящее время представляет собой новый

Фотография представлена автором

Фасад Луксорского музея, выходящий на дорогу, которая идет по нильскому карнизу.

туристический объект, ослепляющий и изумляющий толпы посетителей, приезжающих сюда как в составе групп, так и частным образом. Однако, несмотря на приданный ему статус, музей не представляет никакой ценности для горожан, которые ежедневно видят перед собой историко-архитектурные памятники древности, окружающие их со всех сторон и напоминающие музей под открытым небом, где они фактически живут.

Поэтому администрация музея была вынуждена разработать образовательную программу в целях установления — в той или иной форме — диалога между населением Луксора и музеем, в котором хранятся произведения искусства, завешанные их предками из древних цивилизаций. Данный образовательный проект был основан на нескольких ключевых аспектах.

Прежде всего, регулярно проводятся ежемесячные семинары и встречи с участием жителей города. Они преследуют цель информировать их о наиболее важных археологических открытиях, которые ежедневно делаются в ходе исследований и раскопок, проводимых египетскими и иностранными археологами, работающими на археологических участках. Это способствует пониманию местными жителями цивилизации и их знакомству с происходящими вокруг них события-

ми, а также помогает им осознать свою связь с историей и цивилизацией. Такие семинары и встречи проводятся группой выдающихся египетских и зарубежных ученых.

Музей уделяет внимание проблемам, связанным с предметами древности и наследием, которые будоражат общественное мнение и вызывают споры. В этих целях он изредка организует публичные семинары, посвященные подробному освещению какой-либо конкретной темы, прояснению связанных с ней спорных вопросов и устранению всех неясностей. В качестве примера одной из таких проблем можно привести предложение демонтировать, отреставрировать и вновь собрать колонны из двора Аменхотепа III в луксорском храме. Данная инициатива привела к расколу мнений среди представителей прессы — одни оправдывали ее, а другие осуждали — и разделила горожан на две группы, выступавшие за и против данного проекта. Посещая памятник, противники проведения работ видели, что гигантские колонны в процессе демонстрации постепенно уменьшаются в размере, отмечали, что в конечном счете это ведет к обезображиванию двора храма. Когда наконец все колонны буквально исчезли у них на глазах, они ошибочно подумали, что видели их в последний раз. Чтобы развеять это неправильное мнение, Луксорский музей перехватил инициативу и организовал научный семинар, в котором приняли участие археологи, почвоведы и реставраторы, имеющие отношение к данному проекту. Приглашения были разосланы как жителям Луксора вообще, так и тем, кто работает в сфере туризма, сохранения и изучения памятников древности и в средствах массовой информации, в частности. На семинаре затрагивались научные, археологические и экологические аспекты, которые обусловили необходимость осуществления проекта по спасению большого двора. На нем также было рассказано о научном методе, используемом для проведения работы с помощью сложной технологии. Обмен мнениями между аудиторией и специалистами оказался чрезвычайно полезным; присутствующие поня-

ли, что происходит вокруг них, и в конечном счете выступили в поддержку проекта.

Музей взял на себя важную общественную роль по просвещению населения, разработав образовательную программу под названием «Музейное образование». Эта программа предназначена главным образом для школьников различных ступеней образования. Ряд сотрудников музея получил специальную подготовку в области работы и обслуживания разных возрастных групп. В их распоряжение были предоставлены иллюстрации, цветные слайды и видеофильмы, рассказывающие об истории музейных коллекций и истории города, а также оборудование, необходимое для демонстрации слайдов и фильмов. На весь академический год было составлено расписание посещения сотрудниками музея школ для проведения бесед, после чего должны были состояться организованные (в сопровождении музейных сотрудников) экскурсии учащихся в музей. Вся эта деятельность осуществлялась во взаимодействии с департаментом образования города и директорами школ. Вопросы, которые школьники задавали своим гидам, свидетельствовали о хорошем знании ими изучаемых тем. По окончании осмотра они заполняли специальную анкету, куда заносили свои впечатления об экскурсии и предложения по ее совершенствованию.

Главным достоинством программы было то, что она продемонстрировала возможности, открывающиеся для живого и полезного взаимодействия между музеем и публикой, на которую она рассчитана. Администрация музея использовала полученные ею предложения относительно улучшения и упрощения этикеток, с тем чтобы они давали краткую, но всестороннюю информацию об экспонируемых предметах. Успешное осуществление этого ключевого аспекта вдохновило нас на продолжение и дальнейшее развитие начатой деятельности, и мы распространили ее на общественные клубы, которые служат местом встречи для молодежи и взрослых.

Постоянно расширяющаяся коллекция

Луксорский музей представляет огромный интерес с точки зрения археологии, и расположен он на территории, где сосредоточено две трети всех памятников древности страны. Вот почему так важно, чтобы коллекция музея была достаточно богатой и разнообразной и могла рассказывать обо всех аспектах истории и искусства Луксора. Именно поэтому админи-

© Antoine Clénet and Romain Perrot

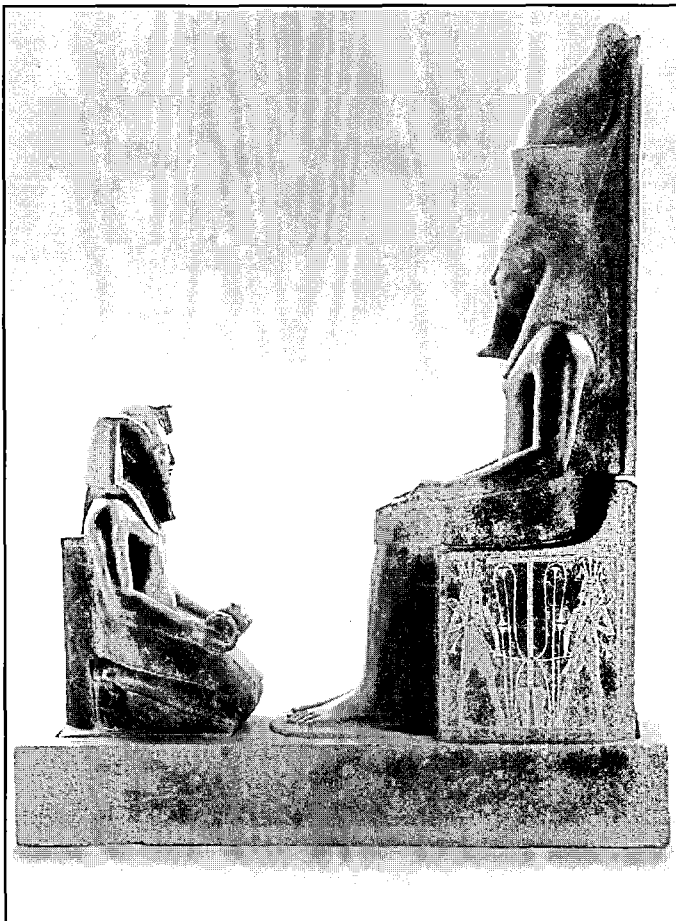
Богиня неба Хатор в виде коровы. Голова выполнена из дерева, покрытого золотыми пластинами, рога сделаны из меди, а глаза инкрустированы япис-лазурью.

страция музея предложила расширить экспозиционные помещения и достроить музей таким образом, чтобы все приобретения — памятники, хранящиеся на территории археологической зоны и обнаруженные в ходе археологических раскопок в последующие годы, — можно было разместить в нем. Высший совет по памятникам древности благосклонно отреагировал на это предложение, и в настоящее время ведутся работы по расширению музея.

В ходе раскопок в этом районе открывают, зачастую по чистой случайности, уникальные памятники материальной культуры, которые должны быть выставлены в музее на всеобщее обозрение. Такие предметы могут нуждаться в срочной реставрации и консервации, чтобы их можно было экспонировать надлежащим образом. И

здесь музей сталкивается с некоторыми трудностями, вызванными отсутствием мастерской, где могли бы проводиться реставрационные и консервационные работы с использованием современных инструментов и оборудования, необходимых для приведения этих артефактов в должное состояние. Было выдвинуто предложение разместить соответствующую мастерскую в новом крыле. Несмотря на отсутствие специализированной мастерской, существует, однако, ряд реставраторов-экспертов, обладающих достаточной квалификацией для того, чтобы подвергать обработке памятники древности с учетом материала, из которого они сделаны, или их состояния. В случаях, когда местные сотрудники не способны позаботиться о памятниках материальной культуры, прибегают к помощи специалистов из центральной музейной администрации в Каире.

© Antoine Chéné and Romain Perrot

Выполненная из диорита скульптура, изображающая фараона Хоремхеба и бога Атона. Основание статуи было первым предметом, найденным в тайнике луксорского храма.

Для успешного осуществления образовательной и культурной деятельности музея, связанной с окружающим его археологическим участком, она должна проводиться в стенах музея в специально отведенном для этой цели зале, а не в школах и клубах, как это происходит в настоящий момент. Поэтому потребовалось два зала: один — для проведения лекций и семинаров, другой — для того, чтобы школьники могли заниматься связанной с музеем художественной деятельностью. Эти залы составят неотъемлемую часть нового крыла музея.

В число главных сокровищ, находящихся в экспозиции музея, входит статуя фараона XVIII династии Тутмоса III (1490—1436 годы до нашей эры). Сделанная из зеленого сланца статуя была обнаружена в 1904 году в тайнике карнакского храма к северу от его седьмого пилона. Так как в городе не было музея, статуя была передана в Каир для ее экспонирования в Египетском музее наряду с другими ценностями, найденными в тайнике. Затем, после открытия Луксорского музея, она была возвращена на место ее происхождения. Эта необыкновенная статуя считается одним из наиболее значительных приобретений музея. Она является тем экспонатом, по по-

воду которого чаще всего высказываются посетители, поскольку в благородных чертах лица фараона читается уверенность в самом себе в качестве правителя и бога. Египетскому скульптору удалось мастерски передать это особенное выражение, что делает статую одним из самых прекрасных образцов древнеегипетского искусства.

Скульптура бога Себека и фараона XVIII династии (1403—1265 годы до нашей эры) Аменхотепа III — необычный экспонат, выполненный из кальцита и найденный внутри специально сделанного для него колодца вместе с несколькими живописными и скульптурными произведениями, изображавшими бога в образе крокодила, во время работ по расчистке канала в районе Сумину, ныне Дахамша, к юго-западу от Луксора. Маленький храм, несомненно, был посвящен богу данной местности, в честь которого его рабы и люди, верившие в его силу, делали бесчисленное множество приношений.

Это произведение свидетельствует о выдающемся мастерстве египетского скульптора, сумевшего достичь равновесия между фигурами фараона и бога путем удаления части задней панели над головой фараона и размещения его головы, включая корону, на одном уровне с головой бога. Рамсес II присвоил эту статую себе, заменив собственным именем имя того, чьим изображением она в действительности являлась. К счастью, он не подверг изменению характерные черты лица фараона, которые остались нетронутыми и, таким образом, подтверждают происхождение статуи Аменхотепа III.

Арфист и танцовщицы запечатлены на плите из кварцита времени XVIII династии Нового царства (1475—1468 годы до нашей эры). Плита являлась частью обелиска, построенного царицей Хатшепсут в карнакском комплексе; позже он был назван Розовым обелиском из-за цвета камня. На плите изображена группа танцовщиц и певиц, которым аккомпанирует арфист и которые участвуют в одном из религиозных праздников, обычно проходивших в Фивах во времена их рас-

цвета. Изображение изящных тел дает представление об особенностях искусства XVIII династии.

Тайник луксорского храма: главное открытие

Зона археологических раскопок, в которой расположен Луксорский музей, продолжает открывать свои секреты. Самую последнюю и самую важную за предпоследнее десятилетие XX столетия находку сделали в гипостильном зале Аменхотепа III, который основал и построил луксорский комплекс (1403—1365 годы до нашей эры), где и была открыта коллекция редких статуй, известная как тайник луксорского храма.

Впервые тайник был обнаружен 22 января 1989 года. Тогда перед археологами предстали 24 статуи богов, богинь и фараонов, большинство из которых великолепно сохранилось. Открытия продолжались вплоть до 20 апреля того же года, когда из земли извлекли последний предмет, находившийся на глубине 4,5 м. Этим предметом оказалась священная борода Амона, сама же статуя была обнаружена раньше, 28 марта. Для экспонирования в Луксорском музее было отобрано 16 статуй. Для них отвели зал в цокольном этаже здания, специально спроектированный таким образом, чтобы посетители могли свободно рассматривать памятники древности со всех сторон; использование направленного света позволяет подчеркнуть эстетические достоинства предметов и заставляет посетителей обратить на них внимание. Позаботились и о том, чтобы отобранные для показа статуи были размещены не на постаментах, а на высоких платформах, куда можно взойти по ступеням. Это создает особый эффект: изображения наделяются божественными и повергающими в благоговейный трепет качествами, соответствующими статуям богинь, которые в древние времена почитались священными, и фараонов, возвеличиваемых до уровня богов. Назовем наиболее известные и необычные произведения из этой коллекции.

*Скульптура, состоящая
из двух статуй из диорита
периода XVIII династии
(1338—1308 годы до нашей эры) —
бога Атона и фараона Хоремхеба*

Скульптура установлена в углублении, вырезанном в специальном основании, которое было первым предметом, найденным в тайнике. Этот уникальный ансамбль из трех предметов (двух статуй и основания) — просто бесподобная находка. Она представляет собой фараона Хоремхеба, стоящего на коленях перед богом Атоном и подносящего ему два сферической формы сосуда. На нем головной убор, увенчанный спереди священной змеей-уреем, и короткий фартук, называемый шандет. Перед фараоном — бог, сидящий на троне, который с двух сторон украшен двумя божествами Нила, символами единства Верхнего и Нижнего Египта: расположенный справа и обвитый папирусом — был символом севера, а находящийся слева и обвитый лотосом — юга.

*Выполненная из красного кварцита
статуя фараона XVIII династии
Аменхотепа III
(1405—1365 годы до нашей эры)*

Внушительная статуя высотой в 239 см относится к числу самых впечатляющих памятников, обнаруженных в тайнике. Фараон Аменхотеп III представлен цветущим юношей, шагающим вперед и попирающим извечных египетских врагов, — их символом выступают 9 арок, на которые он без колебаний наступает. Несмотря на то что статуя сделана из очень твердого камня, египетскому скульптору удалось проявить блестящее мастерство в том, как он изобразил отличающееся удивительной симметрией тело фараона, а также детали короткой туники, на которой начертано имя фараона Неб-Маат-Ра в нижней части центра фигуры, внутри цилиндра, называемогося картушем, окруженного изображениями четырех священных кобр с солнцем над ними. Когда статую извлекли из земли, на короне, широко воротнике и браслетах, украшающих фараона, были заметны следы позолоты.

Действительно, трудно представить себе, какая это была сложная и кропотливая работа — вырезать множество тонких и великолепных деталей на тунике фараона, особенно на спине. Посетители должны иметь возможность сами рассмотреть все эти детали, чтобы оценить исключительное мастерство египетского скульптора и его владение инструментами.

*Статуя из диорита, изображающая
богиню Хатор, времени фараона
Аменхотепа III*

Богиня Хатор считается одной из самых важных богинь Египта. Это богиня неба и защитница жизни и любви. Ее изображали в виде коровы или женщины, увенчанной короной с коровьими рогами, между которыми помещается солнце. Данная статуя представляет богиню в образе женщины, сидящей на троне, украшенном резбой; на ней характерная для нее корона, надетая на парик, а в левой руке она держит посох жизни. На обеих сторонах трона начертано имя фараона Аменхотепа, который представлен как возлюбленный Хатор.

*Статуя богини Айунет
из серого гранита*

Хотя этой богине поклонялись в районе Фив со времени XI династии Среднего царства (примерно 2061—1991 годы до нашей эры), была найдена только одна ее статуя такого размера и в таком хорошем состоянии. Айунет являлась супругой бога Монту, который был богом войны и считался в это время повелителем Фив. Богиня изображена в виде изящной женщины с чарующей улыбкой на красивом лице, что делает ее одной из самых привлекательных статуй в древнеегипетском искусстве.

Ясно, что музей обязан приобретением коллекции городу с его богатым наследием. Я уверена, что со временем будет открыто множество произведений, не менее замечательных, чем памятники, уже найденные в этом районе. Земля Луксора еще укрывает немало памятников древности и проявляет о них большую заботу, чем многие люди. ■

Музей Карфагена: урок живой истории

Абдельмаджид Эннабли
(Abdelmajid Ennabli)

Сказочный город Карфаген разжигал воображение художников и поэтов с момента его основания более 2 тыс. лет назад. Соперник Древней Греции, а затем и Рима, Карфаген подвергался разрушениям и разграблениям со стороны завоевателей, завидовавших его богатствам, но лишь для того, чтобы вновь и вновь возродиться. В XX веке наступающая урбанизация и победоносное шествие бетона угрожали в очередной раз и навсегда поглотить античный Карфаген. Однако на помощь ему пришло международное сообщество, откликнувшееся на призыв «Спасти Карфаген», с которым в 1972 году выступила ЮНЕСКО. Группы археологов из 10 стран — всего более 600 человек — работали здесь, слой за слоем открывая историю, изучая и сохраняя это уникальное место. Абдельмаджид Эннабли играл важную роль в осуществлении этой международной кампании. С 1973 года он занимает должность хранителя Музея Карфагена. Автор ряда статей и публикаций по истории и археологии Карфагена, он также руководит исследовательской работой в Тунисском институте национального наследия.

Музей Карфагена — прежде всего музей исторического места, громадного археологического участка со славной историей. Он питает музей, а музей рассказывает о его истории. С тех пор как более 2800 лет назад восточная принцесса выбрала этот полуостров, чтобы построить «Новый город», люди всегда жили и работали здесь, сюда же стекались их богатства, хотя город, который стал наследником древнего Карфагена, начиная с эпохи средневековья строился в нескольких километрах от моря, там, где полуостров соединяется с материком.

Сегодня мы прошли полный круг. В настоящее время район Карфагена является частью вилайета Тунис, и его будущее связано с развитием столицы. К счастью, этого некогда занимаемого древним городом района не коснулась безжалостная строительная деятельность, которая охватила нынешнюю столицу, и он остается хранителем памяти и культуры. Сегодня, когда город растет во всех направлениях — на сколько хватает глаз, — он сохраняется как археологический заповедник, предназначенный для проведения раскопок и исследований. В сердце этого района, на самом известном холме, стоит музей — как хранитель и живой свидетель цивилизаций, процветавших здесь.

Поднявшись на холм, посетитель сначала видит всю панораму окрестностей, дающую ему представление о географическом положении данной местности, и сохранившиеся остатки сменявших друг друга цивилизаций. Он также понимает причины их непрерывного тяготения к этому месту: город был построен на полуострове, выступающем в широкий залив, при входе в доступные внутренние районы страны — одним словом, его местоположение было идеальным, что вновь и вновь подтверждалось на протяжении истории. Находясь на вершине этого акрополя, можно полностью оценить топографические особенности и историческое значение данного места.

Предложенный маршрут экскурсии может быть уподоблен пьесе из трех

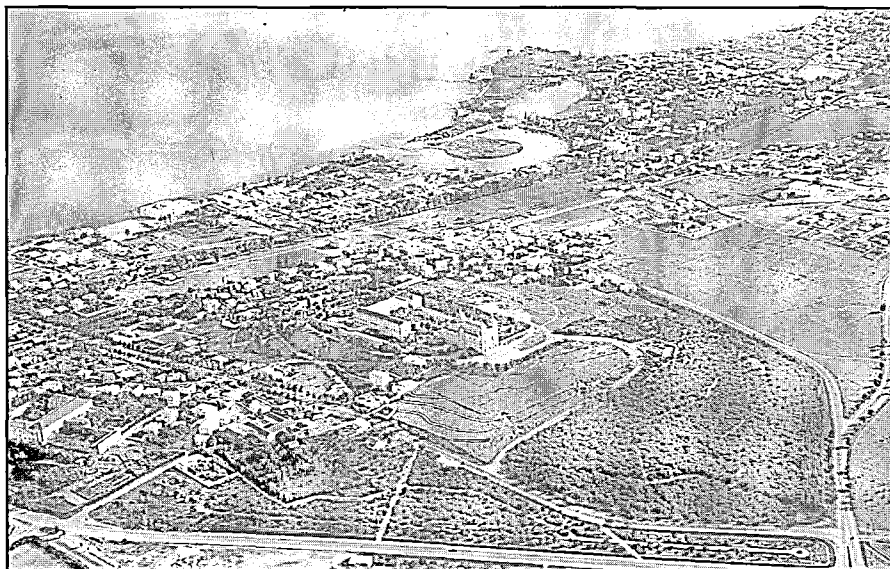
актов: первый предполагает обзор панорамы окрестностей и знакомство с участком, во время второго посетитель совершает пешую прогулку среди остатков Бирсы, а третий завершается осмотром музея.

Перед тем как пуститься в путешествие, возможно, небесполезно совершить краткий экскурс в историю. На месте Карфагена располагались два города, принадлежавшие двум соперничавшим и сменившим одна другую цивилизациям. Первый был финикийским, или пуническим, городом, основанным Дидоной в 814 году до нашей эры и разрушенный Сципионом в 146 году до нашей эры. «Новый город», созданный по образу Тира и основанный на побережье Африки, нового континента, стал столицей империи нового типа. Своим процветанием она была обязана морской торговле, которая велась по всему Средиземноморью, своему местоположению на полпути между цивилизованным Востоком и богатым товарами Западом, который имел целый ряд портов и торговых постов, расположенных по всему побережью. Они обеспечивали постоянную защиту от нападения как греков с запада, так и от набегов коренного населения. Затем город вел долгую и ожесточенную борьбу с Римом, продолжавшуюся более ста лет и окончившуюся полным поражением, когда город сровняли с землей. После этого Рим, уничтоживший Карфаген, решил возродить его на том же месте, однако отныне он должен был служить Риму.

Вскоре достаточно быстро процветавший город во II веке нашей эры занял второе место в Римской империи. В этом не было ничего удивительного. Его выгодное географическое и стратегическое положение уже доказало свои преимущества при финикийцах, а теперь оно подкреплялось могуществом Римской империи, владевшей целым созвездием провинций вокруг *mare nostrum*, среди которых провинция Африка была одной из самых ярких звезд.

В период владычества Римской империи на море и на суше сельское хо-

Фотография предоставлена автором

Вид с воздуха на территорию Карфагена с холмом Бирса в центре.

зайство процветало, что способствовало экспорту урожая. Карфаген стал воротами во внутренние районы Африканского континента, богатые плодородными землями, а его порт был обращен к Остии, торговому пути в Рим и к его суверенному народу. Как столица богатой и процветающей провинции, которой дорожили и которую контролировали все императоры, Карфаген мог похвастаться множеством крупных и замечательных общественных зданий и сооружений. В соответствии с планом застройки всей территории холм был увенчан грандиозным форумом. Апулей называл его «музой Африки».

Изначально языческий, город стал христианским, хотя и ценой гонений. Он пережил разгул различных сект и в течение столетия находился под властью вандалов, прежде чем был освобожден византийским императором. Его возрождение продолжалось недолго. Ослабленный, как и вся империя, он без малейшего сопротивления был захвачен арабскими завоевателями. Затем они покинули Карфаген и обосновались в Тунисе, расположенном в более безопасном месте, дальше от побережья. С тех пор Карфаген пришел в упадок, а его население уменьшилось. В течение многих столетий он использовался в качестве каменоломни для добычи строительного материала. Его памятники были снесены, каменные блоки разобраны, а колонны и мрамор увезены. На выровненной земле было возрождено сельское хозяйство, которое процветало до XIX века, пока вспыхнувший интерес к археологическим находкам не привел к тому, что землю Карфагена вновь начали перекапывать. С установлением французского протектората здесь появились первые католические здания, включая бывший со-

бор и богословский колледж французского монашеского ордена белых отцов, в котором теперь размещается музей. Менее чем за столетие был застроен весь полуостров, за исключением Карфагена, где разумно разработанный план позволил сохранить большую часть местности. Таково было желание суверенного государства Тунис, поддержанного международным сообществом во главе с ЮНЕСКО, включившей Карфаген в Список всемирного наследия. Территория площадью 500 га была таким образом спасена от урбанизации и сохранена для проведения раскопок, исследований и возвращения к жизни в качестве Национального археологического парка Карфаген, как это предусмотрено декретом от 7 октября 1985 года.

Сердцем этого грандиозного плана является холм Бирса, который был историческим ядром пунического, а затем и римского Карфагена, где теперь волею судьбы, как храм в память о прославленных цивилизациях, высится здание музея.

Начнем с начала.

Акт I: знакомство с местом

Никто не отправляется в Карфаген неподготовленным. Мы приезжаем туда с предвзятыми мнениями и готовыми представлениями. И контраст между тем, что мы воображали себе, и тем, что видим; между тем, что рассказывают нам книги по истории, что рисуют наши фантазии, и тем, что сохранилось в действительности, может вызвать разочарование, поскольку время и события минувших эпох мало что оставили от Карфагена. Поэтому первое сильно впечатление должно помочь посетителю избавиться от всех заранее сложившихся представлений. Все фантазии меркнут перед ослепительной красотой необъятной панорамы, которая открывается со смотровой террасы на вершине холма: залив, возвышающаяся над ним гора с двумя вершинами, озеро в обрамлении гор на горизонте и простирающаяся внизу равнина. Это характерные элементы величественного окружения, на которые история наложила свой от-

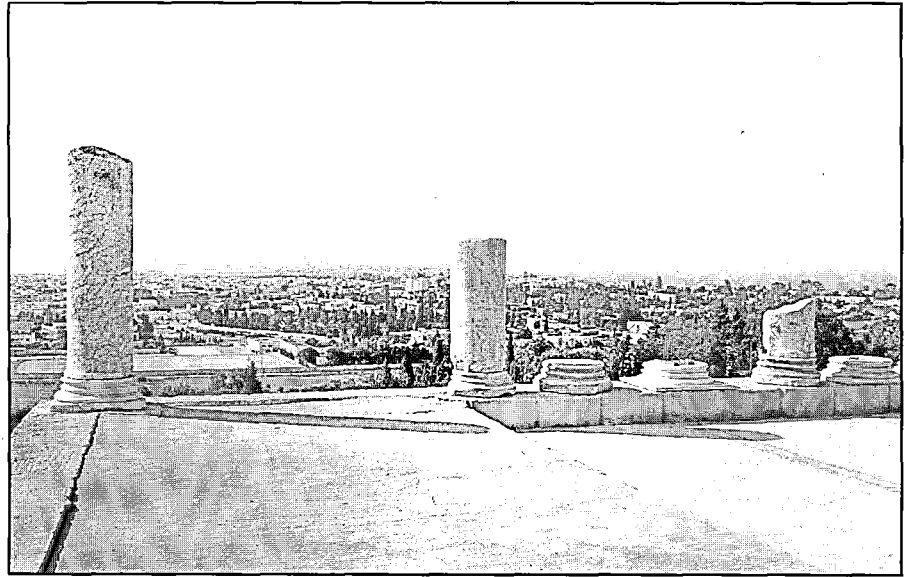
печатак, потому что Карфаген обязан своим существованием и процветанием природным достоинствам и своему умению извлекать из них наибольшую выгоду.

Акт II: история двух городов

Стержнем их истории является вершина холма Бирса, доминирующего над окружающим ландшафтом. Это Верхний город, где еще сохранились кое-какие остатки былого величия. Бирса была вершиной — не только топографической, но и исторической — как пунической, так и римской цивилизации. Сегодня лишь отдельные сохранившиеся памятники свидетельствуют об их величии в прошлом: больше нет ни храмов, ни дворцов, ни цитаделей — осталось разве что несколько стен и выложенные мозаикой полы. Но проницательный наблюдатель обнаружит множество явных следов крупных построек римского форума. Терраса, с которой теперь посетители обозревают окрестности, всего лишь один из элементов обширного архитектурного комплекса, занимавшего весь участок вокруг вершины. Он включал термы, театр, амфитеатр, цирк-ипподром, одеон, храмы, виллы и базилики, разбросанные по всему городу. Многие из них по-прежнему погребены под землей, которая теперь либо застроена, либо возделывается. Это только то, что касается римского Карфагена, тогда как более ранний, пунический Карфаген похоронен еще глубже. Таким образом, два великих и могущественных города были построены на одном и том же месте, на этом холме и вокруг него, на полуострове, где соединяются залив и равнина.

Первый город располагался главным образом между побережьем и холмом и служил коммерческим и торговым центром — с портом на берегу, жилым районом на склонах холма Бирса и с кладбищем, которое тянулось через вершины других холмов.

Второй город, с самого начала строившийся по плану, расходился лучами от центра на вершине холма Бирса. Он был спроектирован согласно регулярному прямоугольному плану,

Фотографии предоставлены автором

Панорамный вид, открывающийся с террасы холма Бирса.

основу которого составляли две главные перпендикулярно расположенные относительно друг друга дороги — Декуманус Максимус (Decumanus Maximus) и Кардо Максимус (Cardo Maximus). Центр служил местом сосредоточения религиозных, политических и общественных зданий, на побережье бурлила коммерческая деятельность, на вершинах холмов возводились храмы, склоны холмов застраивались жилищами. На прилегающих территориях располагались большие здания, предназначенные для развлечений. За пределами этой зоны находились некрополи и памятники более позднего времени.

Что осталось от всего этого сегодня? Очень немного, поскольку пунический Карфаген был уничтожен Сципионом в конце 3-й Пунической войны, а римский Карфаген подвергся разрушению на протяжении веков и был впоследствии разграблен ради получения строительного материала. В начале XX века вновь были сделаны первые шаги, связанные с освоением данной территории, на которой практически не осталось памятников — лишь нагромождения руин и возделанные поля. Только глубокая заинтересованность и страстная увлеченность современных археологов и историков предотвратили новое наступление на этот район: они начали проводить раскопки участка, открывая остатки древних поселений и мало-помалу воссоздавая облик города и его историческое лицо.

В юго-восточном углу, вдоль побережья, но чуть поодаль от береговой линии, можно ясно видеть контуры двух портов, тогда как в юго-западном углу просматриваются довольно неопределенные очертания цирка-ипподрома. К западу расположен амфите-

атр, окруженный сосновой рощей, а напротив — огромная цистерна для воды Ла-Малги.

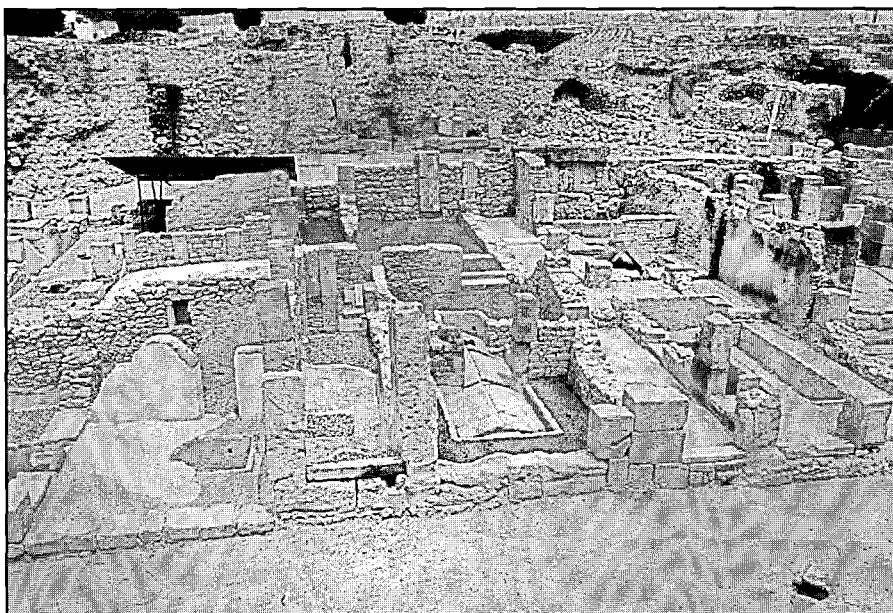
К числу других сооружений, заметных при беглом осмотре, относятся здание с колоннами, театр, одеон и патрицианские виллы и, наконец, огромные термы Антонина, расположенные на побережье. Другие памятники, такие, как базилика Дамус эль-Карита, Маджорум и св. Киприана, находятся дальше.

Это самые крупные памятники, которые лучше всего видны. Все, за исключением портов, относится к римскому времени. Есть и другие, небольшие и совсем маленькие памятники, которые погребены глубже и датируются пуническим периодом. Некоторые из них были открыты благодаря проницательности археологов. Примечательный в этом плане пример — Тофет, являвшийся святилищем Тиннит (Танит) и Баал-Хаммона, с votивной стелой, погребальными урнами и даже несколькими жилищами; с храмом великолепной архитектуры, а самое главное — некрополем, протянувшимся с востока на запад, с могилами, и в частности глубокими склепами, в которых, кроме останков в саркофагах, сохранилось огромное

количество погребальных предметов. Эти предметы, конечно, заняли свое место в музеях, главным образом в Музее Карфагена. Аналогичным образом большое количество предметов римского периода — декоративные архитектурные фрагменты, статуи, мозаичные полы, надписи и маленькие предметы, сохранившиеся потому, что были сделаны из таких прочных материалов, как камень, мрамор, керамика, глина, металл, слоновая и другая кость, — невозможно было выставлять в том месте, где их нашли, и они были перевезены, иногда будучи вырванными из их первоначального окружения, в музеи в целях обеспечения их сохранности, главным образом в Национальный музей Бардо и Музей белых отцов в богословском колледже.

При ближайшем рассмотрении посетители, только что охватившие взглядом панораму, в действительности поймут, что площадка, на которой они стоят, не естественная площадка, а реконструированный на уровне земли план большого памятника, хотя почти все составляющие его стены, колонны и другие архитектурные элементы исчезли; исчезло все, за исключением строительного раствора на земле, который сохранил отпечатки расколотых

Фотография предоставлена автором

Остатки квартала пунической эпохи.

мраморных плит. Этот великолепный зал площадью более чем 70 x 30 м размещался вдоль Кардо Максимус и был частью обширного городского комплекса, построенного на вершине холма в соответствии с прямоугольным планом, который воссоздали по сохранившимся остаткам. Конечно, это был форум, включавший гражданскую базилику на восточной стороне, напротив Капитолийского храма, расположенного к западу, а между ними размещалась площадь форума, фланкируемая колоннадами.

Здание, из которого посетитель обозревает местность, могло быть библиотекой и принадлежало ко второй зоне, центральную часть которой занимал большой храм, посвященный культуре императора. Что касается архитектуры, то благодаря этому монументальному ансамблю Верхний город считался одним из самых великолепных в Римской империи. Чтобы расчистить место для него, римляне осуществили большие земляные работы. Это позволило построить огромную площадку, поддерживаемую громадными подпорными стенами с опорными сводами, идущими вокруг холма.

Эти земляные сооружения в действительности скрыли под собой остатки более раннего пунического города. Целый жилой квартал, относящийся к концу 3 — середине 2 века до нашей эры, то есть ко времени Ганнибала, был обнаружен в юго-восточном углу римской площадки. Он был погребен под тоннами земли, насыпанной на склон холма, чтобы построить фундамент для форума. Обнаружение этих остатков доримского периода, впервые открывшее до того неизвестный вид пунического города, имеет исключительное значение для понимания карфагенской цивилизации.

Продолжая прогулку после обзора панорамы района, посетители обнаруживают у своих ног целый участок пунического жилого района, построенного на естественном склоне холма: жилой квартал, спланированный на основе регулярной сетки, с цистернами, терракотовыми мозаиками, мозаичными полами и стенами из штука. Дальше

они увидят еще более древний, относящийся к 4 веку уровень, обитатели которого занимались ремеслом, и склепы 7—6 веков до нашей эры. В музее был отведен специальный зал для находок, сделанных в этой уникальной зоне.

Теперь пришло время войти в Музей Карфагена и оценить его исключительное значение как музея, созданного на месте археологических раскопок.

Акт III: музей, полный тайн

Музей Карфагена — это, конечно, археологический музей древних предметов, которые были спасены от разрушения, зачастую найдены случайно и аккуратно, внимательно и с умом собраны, изучены и интерпретированы. Они демонстрируются таким образом, чтобы быть доступными для публики, и сопровождаются аннотациями и объяснениями, призванными помочь посетителям осматривать и понимать экспонаты, вызывать у них интерес и пробуждать любопытство. Данную музееологическую программу следует осуществлять с особой осторожностью, так как музей располагается на том самом месте, где существовала и развивалась карфагенская цивилизация, которой он посвящен. Следовательно, это уникальное место, по-прежнему хранящее, несмотря на все раскопки и исследования, множество тайн. Но то, что сохранилось и было найдено, уже оправдывает существование музея.

Был выбран принцип не систематической, а последовательной экспозиции, рассказывающей о поступательном развитии. Она начинается с общего вступления или ретроспективного показа с последующим подробным изложением материала, посвященного определенному периоду или теме. Это позволяет посетителю постепенно переходить от одного этапа развития к другому, при этом каждый период или тема связаны между собой и дополняют друг друга.

Этот общий план был продиктован несколькими условиями, не последними из которых являются характер

и разнообразие коллекций. Выставленные предметы сделаны как из твердых и долговечных материалов, таких, как мрамор, камень, глина и металл, выдерживающих разрушительное воздействие времени, так и из хрупких и непрочных, например кожи, ткани и папируса. Кроме того, имеются мозаики, скульптура, надписи, декоративные архитектурные фрагменты и небольшие предметы из металла и керамики, найденные на территории Карфагена, и отнюдь не все они находятся в карфагенском музее. Некоторые из них хранятся в Национальном музее Бардо, главным образом те, которые были найдены во время официальных раскопок, проводившихся в период французского протектората.

Вторая проблема касалась собственно музейных зданий, так как они не предназначались для использования в этих целях. Изначально в них размещался монастырь, построенный кардиналом Лавижери для нужд католического монашеского ордена белых отцов. Именно здесь был создан маленький музей для хранения коллекции предметов, найденных при раскопках членами ордена. Карфагенский музей унаследовал старые заброшенные здания, реконструировал их и приспособил к новым функциям.

Следовательно, музеологическую программу следовало разработать таким образом, чтобы она соответствовала этим двум условиям — коллекции и зданиям. Простота плана и организация пространства удовлетворяли также требованиям экономической как необходимости, так и эффективности. Экспозиция проектировалась с таким расчетом, чтобы она была поучительной и иллюстративной. Посетителю предлагается осмотреть ее, двигаясь по маршруту, где экспонаты систематически представлены по двум различным периодам — пуническому и римскому. Для первого периода особенно характерны погребальные или votive стелы с декоративным рисунком, в то время как стелы с надписями относятся к более позднему периоду. В дополнение к саркофагам и склепам на этих участках было также найдено огромное количество погребальных

предметов, включающих ювелирные изделия, амулеты, сосуды для вина, бронзовые зеркала, изделия из стекла и большое разнообразие терракотовых предметов, таких, как маски, статуэтки, лампы и множество керамических ваз. Одни из этих предметов отличаются простотой и предназначались для повседневного использования, для других характерна большая изысканность, многие привозились из других районов Средиземноморья.

Римский период представлен главным образом мозаиками, которыми изначально были выложены полы частных, общественных и культовых христианских зданий. Затем идут надписи — в основном погребальные, что касается римского и христианского периодов, и реже монументальные. Есть также круглая скульптура и барельефы, некоторые из них происходят из частных домов, но большинство — из государственных зданий, а также архитектурные элементы (колонны, капители и фрагменты карнизов). Самые лучшие статуи и мозаики находятся в Национальном музее Бардо.

Арабо-исламский период представлен в основном глазурованной керамикой XI—XIV веков и несколькими погребальными стелами.

Войдя в вестибюль музея, посетители найдут здесь необходимую общую информацию, которая поможет им сориентироваться и выбрать маршрут, — это большая карта участка с различными фотографиями памятников, открытых для публики, и поэтажный план музея. Осмотр лучше начинать с первого этажа, с посвященной пуническому периоду южной галереи, куда можно попасть через зал мозаик. Здесь есть стенд, знакомящий с хронологией пунического Карфагена, карта Средиземноморья, занимающая целую стену и дающая представление о положении Карфагена, а также стенд, рассказывающий о ходе Пунических войн, которые завершились разрушением города.

Эта информация служит введением и создает контекст для предметов, экспонирующихся в нескольких витри-

нах, каждая из которых охватывает определенный период. Все вместе они предлагают иллюстрированную сжатую версию истории пунического Карфагена, которая началась в 814 году и закончилась в 146 году до нашей эры. Дополнительная информация подается в виде документов, фотографий и масштабных моделей, включая реконструированный поперечный разрез Тофета.

После первого знакомства с пуническим Карфагеном, зритель попадает в экспозиционный зал общего характера, который тянется во всю длину центрального здания. Перед ним располагается высокая галерея, выходящая на побережье полуострова.

«Долгая история величия, борьбы и упадка»

Зал разделен по хронологическому принципу на четыре раздела: финикийско-пунический, римско-африканский, раннехристианский, арабо-исламский. Информационный стенд для каждого периода содержит необходимые элементы: хронологические сведения, карту, топографический план — все на трех языках. Путешествие, в которое пускается посетитель, построено на аллюзии и реминисценции, на тонком взаимодействии между предметами, выставленными в витринах, и переменчивой игрой света и окраски зелени, виднеющейся в окнах. Такое взаимодействие напоминает непрерывное движение маятника, размеренные колебания которого соединяют в единое целое отголоски истории с видами пейзажа за окном — так воссоздается долгая история величия, борьбы и упадка, мимолетно схваченная лучами света, льющимися из окружающего пространства.

Этот зал ведет в смежную галерею мозаик и далее в зал, полностью отданный амфорам и симметричный первому, пуническому залу. Пятьдесят образцов терракотовых амфор различных форм и размеров демонстрируют неизменное значение этого сосуда, который доказал свою полезность на протяжении столетий. Происходящие

Фотография предоставлена автором

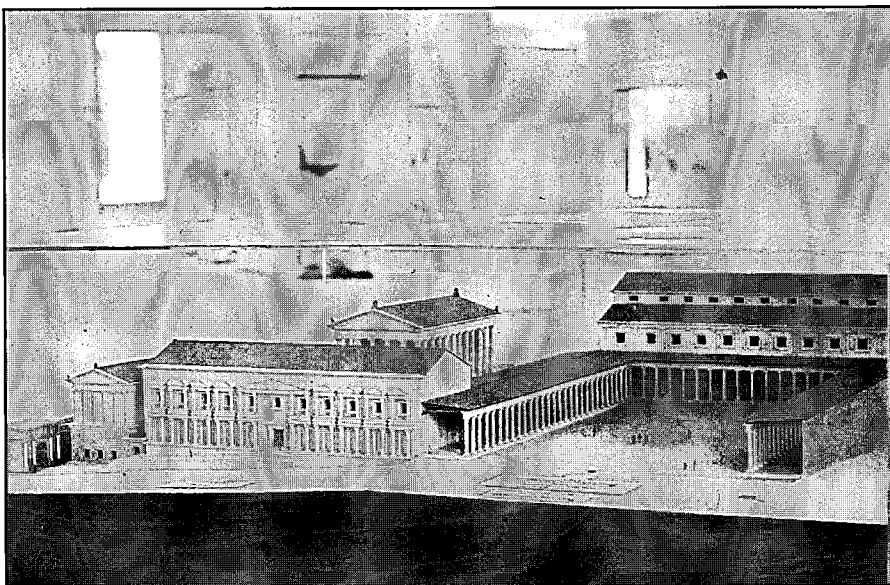
из разных районов и относящиеся к разным периодам, они дают представление о путях навигации и торговых потоках, хотя продукты, которые в них содержались, исчезли, а также предлагают интересную антологию создания сосуда, предназначенного для повседневного использования. В одном из углов зала есть описание всей истории цилиндрического (бочарного) свода, архитектурного элемента, получившего распространение во всем мире.

Из этого зала, посвященного исключительно одной узкой теме, посетитель попадает в галерею Бирса, в которой экспонируются предметы и другие памятники материальной культуры, собиравшиеся более века на холме Бирса. Они демонстрируются в свете результатов последних раскопок и служат дополнением к тому, с чем посетитель уже познакомился *in situ* во время второго акта путешествия.

Во-первых, финикийско-пуническая Бирса представлена в пяти последовательно выстроенных тематических частях, реконструированных на основе данных раскопок жилого квартала 3—2 веков до нашей эры, а именно: заморские товары, местная продукция, здания, религиозные культы и, наконец, падение и разрушение города. Затем идет экспозиция римского периода, размещающаяся вокруг масштабной модели форума с его архитектурным декором, характерным для империи эпохи расцвета. Фреска на

Фасад музея; раньше здание принадлежало монашескому ордену белых отцов.

Фотография предоставлена автором

Модель зала римского времени на холме Бирса в экспозиции музея.

дальней стене дает представление о широкомасштабных работах по строительству эспланады и зданий. Вокруг этой масштабной модели располагаются фрагменты архитектуры, скульптура, надписи и другие экспонаты, дополняющие и поясняющие реконструкцию модели.

Лестница в дальнем конце этого крыла ведет в такой же большой зал с арочным проходом, с другой стороны которого располагаются два великолепных барельефа — «Победа» и «Изобилие», являвшиеся главными достоинствами императора и империи. В небольшом смежном зале находятся витрины с ранними карфагенскими памятниками материальной культуры, которые были извлечены из самого нижнего слоя раскопа на Декуманус Максимус; они дополняют впечатления, полученные при посещении самого участка. Эти небольшие предметы служат вещественными доказательствами древней истории Карфагена, скромными и хрупкими свидетелями возникновения города, которому было суждено стать метрополией.

Следующий зал, пунических саркофагов, содержит целую коллекцию саркофагов, в том числе такие шедевры, как жрец и жрица, помещенные в центре, в нише. Эти великолепные

скульптуры, выполненные на крышках саркофагов из белого мрамора в технике высокого рельефа, представляют собой две фигуры в позе поклонения.

Среди широкого разнообразия памятников в зале римской скульптуры демонстрируется ряд ценных экспонатов, в том числе три статуэтки из Демеха — Деметра, Персефона и возничий, — а также несколько бюстов богов и императоров.

С другой стороны вестибюля размещается зал, посвященный раннехристианскому периоду, где экспонируются мозаики — особый интерес представляет «Богоматерь Карфагена», — архитектурные фрагменты, барельефы, керамика и культовые предметы из базилик и некрополей; здесь же находятся подробные экспликации, реконструкция карфагенской базилики и планы раскопок.

Отдельную галерею, расположенную параллельно залу скульптуры, занимает экспозиция под названием *Наука и археология: встреча в Карфагене*, рассказывающая о консервационной работе, о методах обработки и сохранения, используемых для защиты археологических предметов. На этом посещение музея завершается.

Посетители, совершившее это путешествие во времени и пространстве, проходят по короткой дорожке и оказываются в тени портика и аллеи деревьев, откуда можно бросить последний взгляд на окружающий ландшафт, обретающий в их глазах новую жизнь благодаря только что полученным впечатлениям. Теперь это уже не просто ландшафт, а сцена, где перед ними разыгрывалась долгая история, да и посетитель уже не тот человек, что был раньше, поскольку прошлое для него стало живой субстанцией, благодаря которой он вновь обрел историческую память. Очевидно, такие метаморфозы происходят чаще благодаря работе ума и воображения, чем постановкам типа *звук и свет*. Это музееологическое представление в трех актах, завершающееся, как в пьесе, быстрым распутыванием интриги, конечно, требует активного участия посетителя.

За кулисами

Музей, расположенный на месте археологических раскопок, — это нечто большее, чем собрание витрин с предметами, размещенными согласно музееологическому сценарию в расчете на предполагаемое посещение. Экспозиционная зона, открытая для публики, образует лишь верхушку айсберга; скрытая же часть представляет собой большое количество предметов, находящихся в запасниках. Коллекции карфагенского музея состоят из предметов, относящихся к различным историческим периодам. Почти все мозаики, архитектурные фрагменты и скульптура датируются римской эпохой; погребальные стелы и надписи — как пунические, так и римские; что касается эпитафий, вотивных предметов и саркофагов, то здесь есть памятники всех периодов. Большинство предметов из керамики, найденных в захоронениях, — вазы, статуэтки, лампы, маски — пунические, некоторые из них были привезены в Карфаген. Ряд подобных предметов относится к римскому времени, но, за исключением ламп, очень немногие из них хорошо сохранились. Почти все ювелирные изделия — пунические, так же как и амулеты (происходящие из Египта или являющиеся их местной имита-

цией), изделия из стекла и бронзовые зеркала.

Находки, сделанные на этом месте при проведении раскопок на ранних стадиях, были классифицированы, сгруппированы, описаны и инвентаризированы. Это необходимо для научного изучения и сохранения коллекций. Кроме предметов, хранящихся в музее, есть и те, что погребены в глубинах земли. Их предстоит обнаружить в процессе проведения систематических раскопок или по чистой случайности, после чего они пополнят уже существующие богатые коллекции.

Карфагенский музей — естественный получатель предметов, происходящих из окружающей археологической зоны, а она обещает — при проведении будущих раскопок — подарить нам немало сокровищ, которые будут извлечены на свет божий. Музей также занимается научными исследованиями, которые, по сути, являются его главной целью. Музееологический подход для музея на месте раскопок заключается в достижении конечного результата научного процесса. Найденные, сохраненные и выставленные предметы прежде всего имеют документальную ценность, которую можно разъяснить и повысить только с помощью научного метода. Функция музея на месте раскопок состоит не столько в том, чтобы демонстрировать предметы, обращая особое внимание на их эстетическую ценность, сколько в том, чтобы рассказывать о цивилизации, поэтому здесь самые скромные предметы или даже фрагменты имеют не меньшее значение, чем вещи исключительной красоты. Таким образом, даже постоянная экспозиция не может быть статичной, а должна эволюционировать, изменяться и трансформироваться вместе с развитием научных исследований и музееологических методов. Она должна если и не опережать время, то идти с ним в ногу. Музей Карфагена, органически связанный с местом, на котором стоит, и питаемый археологическими раскопками, представляет собой живой организм. Его функционирование поддерживается новыми открытиями, включением новых экспона-

тов в старые коллекции и многочисленными исследованиями, которые постоянно вызывают споры. Это место хранит следы вечности, способствует созреванию идей и, как следствие, располагает к размышлению. Этим объясняется его разносторонность.

Верный своему международному предназначению, Музей Карфагена открыт для исследователей и специалистов, о его сокровищах уже написано множество монографий. Основой для его археологической библиотеки послужили три разных собрания: книги ордена белых отцов, собранные братом Ферроном; библиотека бывшей французской археологической культурной миссии, известная как библиотека Синтас, и книги, пожертвованные каноником Соманем. Все вместе они составляют собрание специализированных книг и периодических изданий об античности. С момента начала международной кампании в защиту Карфагена археологическая библиотека была дополнена центром документации, который собирает археологические данные по материалам всех исследовательских работ и выпускает ежегодный информационный бюллетень под названием *CEDAC Bulletin* (сейчас выходит шестнадцатый номер). В целях усиления влияния центра документации, основанного ЮНЕСКО 25 лет назад, музей запланировал организовать информационную зону ЮНЕСКО, призванную предоставлять данные о месте раскопок, и рассматривает возможность создания сайта в Интернете, к которому получит доступ широкая публика.

Скромная, но профессиональная мастерская-лаборатория реставрации и консервации археологических предметов была организована благодаря гранту, полученному от Университета Торонто и канадских двусторонних фондов. На первом этаже оборудован специальный зал, где даются разъяснения относительно используемых методов.

Музей проявляет особую заботу о юных посетителях, поэтому подготовил и выпустил множество материалов информационного характера, таких, как открытки, брошюры, информационные листки и путеводители, которые распространяются бесплатно. Скоро он организует работу подготовительной и творческой мастерской для детей. Мультивизуальная программа, созданная несколько лет назад в сотрудничестве с ЮНЕСКО, знакомит с историей Карфагена с помощью изображений, демонстрирующихся на настенном дисплее.

Музей Карфагена, расположенный в сердце прославленного исторического места, бесспорно, является исключительным учреждением — как центр сбора документальных материалов из археологической зоны и как информационный центр и витрина великой цивилизации. Однако в силу его местоположения и осуществляемой деятельности к двум основным функциям прибавится еще работа, связанная с будущим парком Карфагена, Сиди-Бу-Саид, в которой музею предстоит сыграть важную роль.

А потому надо помнить, что Карфаген включен как в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, так и в Список ста достопримечательных мест Средиземноморья. Это одно из редких мест, которое отвечает шести критериям для включения в упомянутые документы и которое получило достаточную финансовую поддержку. Помимо ЮНЕСКО, Музей Карфагена оказывают щедрую помощь Канада, Фонд Гетти, Франция и Германия.

Музей является свидетелем того, что тунисское правительство стремится вновь утвердить ценность национального наследия. В Карфагене тунисцы могут узнать о своей истории и своем славном прошлом. ■

Археология и этнополитика: открытие Аркаима

В.А. Шнирельман

Открытие на Южном Урале прекрасно сохранившегося городища, возраст которого насчитывает около 3600 лет, нельзя назвать просто важным событием в области археологии. Как объясняет В.А. Шнирельман, это открытие вызвало ценную реакцию необоснованных спекуляций и крайних проявлений этнического национализма, который стремился использовать эту находку в своих интересах и исключительно в политических целях. Автор статьи является членом Академии Европы, занимает должность ведущего научного сотрудника Научно-исследовательского института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук.

День 20 июня 1987 года не предвещал ничего необычного. Летом этого года археологам из Челябинского государственного университета под руководством Г.Б. Здановича предстояло провести обследование археологических памятников в Большекараганской долине, где предыдущей осенью началось строительство водохранилища. Долина эта расположена на юге Челябинской области (Южный Урал) у слияния рек Большой Караганки и Утяганки. Местные археологические памятники, известные ранее, представлялись бедными и особых надежд не вызывали. Летнего археологического сезона казалось достаточно, чтобы получить общее представление об эволюции культуры в долине, которой весной 1988 года предстояло уйти под воду.

Между тем любознательность двух подростков опрокинула все планы археологов и мелиораторов. 20 июня работавшие в экспедиции школьники Александр Воронков и Александр Езриль сообщили археологам о необычных валах, найденных ими в степи. Достаточно было опытного глаза, чтобы понять всю неординарность обнаруженного памятника. Вечером того

же дня Г.Б. Зданович объявил сотрудникам экспедиции о выдающемся открытии, а школьники-первооткрыватели получили в награду... банку сгущенного молока.

Что же увидели в степи археологи и что их там так поразило? В 1970—1980-х годах советскими специалистами велись жаркие споры о том, где находилась прародина индоевропейцев, какой была их древняя культура и как она развивалась, где проходили пути миграций их отдельных групп. Импульс этим спорам задали лингвисты В.В. Иванов и Т.В. Гамкрелидзе, полагавшие, что индоевропейцы пришли из Малой Азии. Им возражал известный знаток истории Древнего Востока И.М. Дьяконов, помещавший ранних индоевропейцев на Балканах. Зато многие советские археологи были убеждены в том, что основной зоной расселения ранних индоевропейцев были степи и лесостепь Евразии, где формировались культуры преимущественно скотоводческого населения, давшие начало блестящим культурам скифского мира.

По языку скифы принадлежали к иранцам, а иранские языки находятся ▶

© Agence Novosti, Paris

Аэрофотоснимок Аркаима.

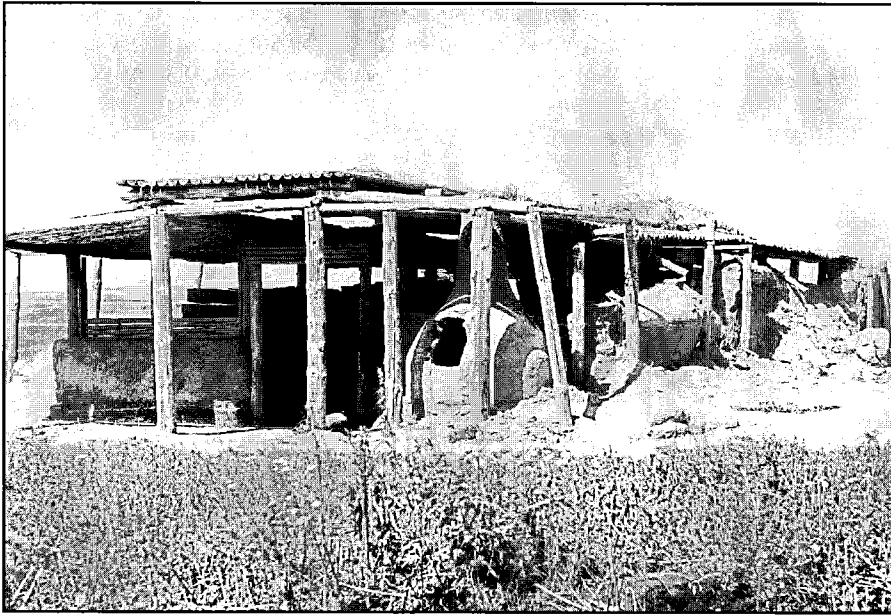
в ближайшем родстве с индоарийскими, самым известным из которых является санскрит — язык ведической литературы, священной у индоариев. Когда-то иранские и индоарийские языки составляли языковое единство. Археологи связывают индоиранцев со степными культурами 2-го тысячелетия до нашей эры. Споры ведутся лишь о том, когда и в каком регионе индоарии выделились в особую группу и каким путем они попали в Индию. Если одни авторы локализуют их прародину на Южном Урале, то другие ищут ее в Северном Причерноморье.

Вот почему открытие Аркаима так взбудоражило археологический мир. Аркаим — это круглое в плане, укрепленное поселение диаметром около 150 м, относящееся к 17—16 векам до нашей эры. Оно окружено двумя концентрическими оборонительными валами, возведенными из глины и сырцовых блоков на бревенчатом каркасе. С внутренней стороны к валам примыкают до 60 жилищ-полуземлянок с очагами, погребями, колодцами и металлургическими печами. Жилища выходят на внутреннюю кольцевую улицу, вымощенную деревянными плахами. Вдоль нее был устроен канализационный ровик с водосборными колодцами. В центре поселка располагалась прямоугольная площадь. В поселение вели четыре входа сложной конструкции, и врагам было непросто сюда проникнуть. Все говорит о том, что поселок строился по единому плану. А это свидетельствует об обществе с развитой социальной структурой и о высоком авторитете местных вождей. Это впечатление еще более усиливается, если учесть, что к настоящему моменту на Южном Урале и в Северном Казахстане обнаружено уже более 20 круглых и прямоугольных городищ 18—16 веков до нашей эры. Указанный район, получивший у археологов название «Страна городов», охватывает площадь 400 × 150 км.

Было ли открытие Аркаима чем-то необычным? И да и нет. Ведь с рубежа 1960—1970-х годов археологи начали обнаруживать в указанном районе остатки оборонительных сооружений и богатые могильники, относящиеся ко второй четверти 2-го тысячелетия до нашей эры. Самым известным достижением 1970-х годов стали раскопки могильника Синташта, где было изучено богатое погребение воина с остатками колесницы и конской упряжи. Уже тогда стало ясно, что Южный Урал был важнейшим регионом формирования сложного общества, обладавшего чудом военной техники своего времени — боевыми колесницами. Аркаим подтвердил это предположение и придал ему новый ракурс — ведь он стал первым хорошо сохранившимся городищем, подвергнутым достаточно полным стационарным исследованиям. Конечно, то, что таким городищем стал именно Аркаим, было результатом стечения случайных обстоятельств. Ведь сейчас известны и более крупные городища того же типа с гораздо более впечатляющей каменной архитектурой.

Битва за Аркаим

Особую славу Аркаиму принесла полная драматизма борьба за его спасение и сохранение. Ведь строительство водохранилища велось некогда всемогущим Министерством водного хозяйства СССР. По первоначальным планам работы предполагалось закончить в 1989 году, но строители решили работать в ударном темпе и завершить строительство на год раньше срока. Это означало, что вся долина вместе с уникальным памятником должна была уйти под воду уже весной 1988 года. Необходимо было любыми способами этому помешать. И археологи делали все, чтобы мобилизовать общественность на спасение Аркаима. В его защиту выступили академики, ведущие ученые, представители общественности.

Фотографии предоставлена автором

Если первоначально археологи просили лишь о приостановке строительства до 1990 года, то вскоре речь пошла о создании в Большекараганской долине заповедной зоны или даже археологического музея-заповедника. В марте 1989 года после бурного обсуждения с участием специалистов и представителей общественности Президиум Уральского отделения АН СССР издал постановление о создании специальной научной лаборатории по изучению протогородской цивилизации в Челябинской области и обратился с просьбой в Совет Министров РСФСР о создании исторического заповедника.

Доводы ученых были так убедительны, а голос общественности столь внушителен, что к защите Аркаима присоединились представители местной и областной администрации. Тем временем с развитием демократического процесса в стране Министерство водного хозяйства быстро теряло свои позиции, Советский Союз с устрашающей скоростью двигался к своему крушению, а в Российской Федерации нарастал регионализм. Именно на этой волне Совет Министров Рос-

сийской Федерации принял в апреле 1991 года решение о прекращении строительства водохранилища и об учреждении историко-ландшафтного музея-заповедника «Аркаим». В последующие годы в районе Аркаима развернулись работы по созданию научного городка, устройству туристического комплекса, организации «Музея Природы и Человека». Предполагаются работы по восстановлению естественного природного ландшафта долины, сильно деформированного сельскохозяйственными работами. Вместе с тем в связи с кризисным состоянием экономики России перед музеем-заповедником постоянно встают финансовые проблемы. И его руководителям нередко приходится пользоваться благотворительностью, в частности астрологов, что не может не ставить археологов в довольно двусмысленное положение.

Арии на Урале?

По мнению многих специалистов, Аркаим и родственные ему памятники могли быть созданы древнейшими индоиранцами задолго до их раз-

Археологическая экспериментальная зона, где реконструированы некоторые элементы, такие, как печь и стены.

деления и переселения по евразийскому степному коридору и движения на юг в Иран и Индию. Некоторые ученые проводят параллели между круглыми укрепленными поселениями типа Аркаима и городом легендарного царя Йимы, воспроизводящим модель Вселенной и описанным в *Авесте*, священной книге древних иранцев.

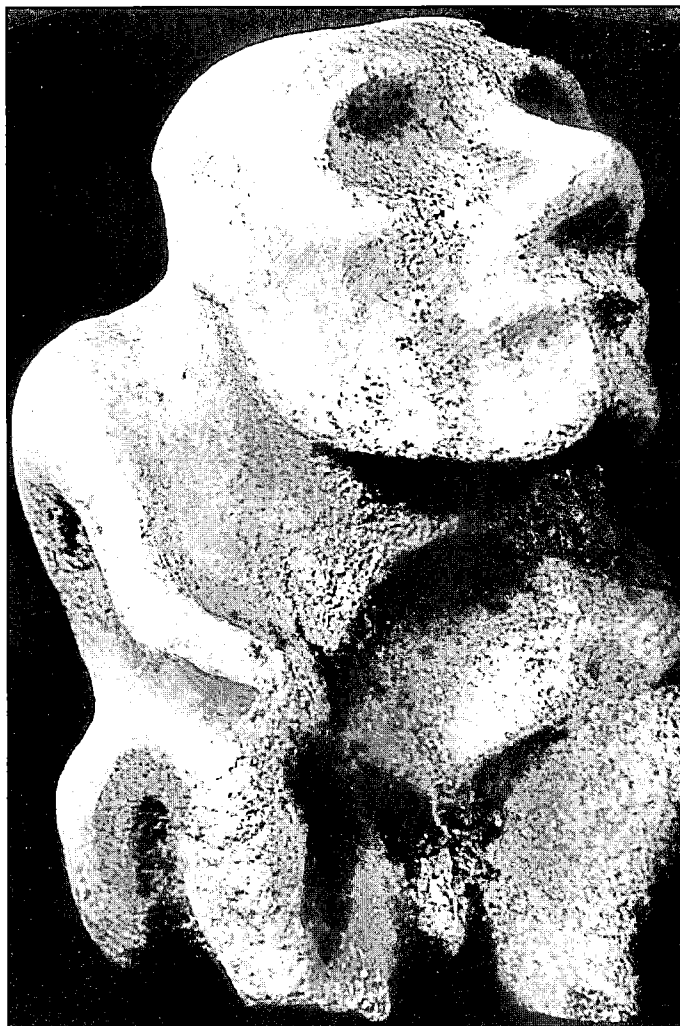
Все эти гипотезы активно использовались учеными в ходе борьбы за сохранение Аркаима. Чтобы сделать свои аргументы более внушительными, они пытались воздействовать на воображение чиновников, прибегая к весьма

рискованным предположениям. Аркаим представляли одним из древнейших городов страны, «центром государственности номового типа», храмом-обсерваторией, сопоставимым со Стоунхенджем, и даже называли его родиной древнего иранского пророка Зороастра. Приезжавшие на Аркаим представители администрации и туристы могли видеть плакат с надписью «Здесь родился Заратустра». Мало того, Аркаим причисляли к кругу «национальных и духовных святынь». При этом иногда утверждалось, что Аркаим построили не индоиранцы, а именно индоарии, которые будто бы находились в ближайшем родстве со славянами и могли бы послужить современному человечеству образцом гармоничных взаимоотношений между культурой и окружающей природной средой. «Страна городов» иной раз безоговорочно называлась «страной древних ариев» и наделялась какой-то особой «духовностью». Термин «арийцы» стал произвольно использоваться в расширительном смысле, как синоним «индоиранцы».

Аркаим и «Русская идея»

Так уж получилось, что открытие Аркаима и интенсивное археологическое изучение «Страны городов» совпало с процессом быстрого распада Советского Союза. СССР, наследник императорской России, всегда воспринимался как государство, созданное многовековыми усилиями русских. Поэтому до недавнего времени русские в любой его точке чувствовали себя как дома. Ситуация стала меняться в последние 10—20 лет перед распадом СССР. Рост местного этнического национализма на окраинах впервые заставил русских почувствовать себя чужаками, и многие из них стали возвращаться в центральные регионы России. Так как формирование огромной Российской империи в течение последних столетий шло за счет победоносных войн, территориальных при-

© Agence Novosti, Paris

Каменная фигурка с Южного Урала.

обретений и быстрой экспансии русских в регионы, заселенные инокультурными и иноязычными группами, то неудивительно, что с ростом этнического национализма перед местным нерусским населением и перед самими русскими остро встал вопрос о легитимности присутствия русских в различных регионах страны.

В этих условиях русские этнонационалисты начали лихорадочно искать исторические аргументы, способные оправдать русское доминирование на всей территории бывшей империи. Недавняя и средневековая история, полные завоевательных походов, мало для этого подходили. Более заманчивые перспективы открывало доисторическое прошлое, позволяющее выдавать произвольные построения за перспективные теории. Русские этнонационалисты вновь открыли для себя давно отвергнутые наукой и забытые построения «славянской исторической школы», тщетно пытавшейся отождествить славян с древними ираноязычными степными кочевниками (скифами, саками, сарматами). Мало того, вооруженные данными современной археологии, они начали настаивать на том, что «предки славян» владели степным евразийским поясом еще в эпоху бронзы. Этим предков они все чаще отождествляли с «арийцами», произвольно включая в эту категорию те группы индоевропейцев, которые им более подходили в качестве предков. Тем самым завоевательная политика Российской империи представлялась в ином свете — как возвращение русских на свои наследственные земли.

В этом контексте открытие Аркаима пришлось как нельзя кстати. Сам Зданович не удержался от того, чтобы не отдать должное этой тенденции. «Мы, славяне, — писал он, — считаем себя людьми пришлыми, а это неверно. Здесь [на Южном Урале] уже с каменного века обитали индоевропейцы, индоиранцы, они и вошли в со-

став казахов, башкир, славян — это та общая нить, которая связывает всех нас». И хотя сами археологи ищут истоки культуры Аркаима частично в Среднем Поволжье и частично в Южной Сибири, у русских ультранационалистов имеется свое мнение на этот счет. Начиная с 1991 года, когда особенно остро стало ощущаться резкое сокращение государственной территории и смещение ее к северу, среди них популярной стала «гипербореяская идея», согласно которой прародина «Белых людей», «арийцев», лежала в полярной зоне. Похолодание и наступление ледников заставили этих «арийцев» искать новое пристанище.

Продвинувшись на юг, они избрали местом своего обитания Южный Урал. Там русские ультранационалисты и помещают «вторую прародину арийцев», откуда те впоследствии расселились по просторам Евразии до Карпат на западе и Китая на востоке. Странники этих представлений рассматривают Южный Урал как источник ведических верований и район едва ли не древнейшей в мире государственности со столицей в священном Аркаиме. Некоторые из них называют эту государственность «славянской». От этих головокружительных фантазий захватывает дух и, как признается один из их адептов, Аркаим дает «чувство воссоединения в себе всех прошедших тысячелетий, судеб и решений, боли и преодоления... Приходит понимание, что ты — наследник, продолжатель некоторого великого дела, которое, оказывается, уже давно живет в тебе...».

Чувства, которые порождает Аркаим у русских ультранационалистов, достигают иной раз патетических вершин. «Была Русь, была грамота, были свои духовные ценности, и доказательством тому — Аркаим», — заявляет один из них. Другой трактует Аркаим как «символ русской славы», и его заметку об этом с удовольствием пуб-

ликуют русские ультранационалистические газеты *Русский Восток* (Иркутск) и *За русское дело* (Санкт-Петербург). Эта концепция не лишена налета расизма и призвана воспитывать откровенно ксенофобные настроения. Ведь она призывает русских вспомнить о своих расовых корнях и «арийском происхождении», объявляет Аркаим «местом исхода протославянской группы арийского народа» и в то же время сокрушается по поводу современной духовной зависимости Белой расы от какой-то чуждой ей культуры, идущей «от пророка Моисея». В качестве примера кощунственного отношения к наследию арийских предков приводятся планы затопления Аркаима, которым с большим трудом сумели противостоять «национально-патриотические силы». Каков же вывод? «Покуда национально-патриотические силы не придут к власти, нельзя дать отпор тем, кто оскорбляет и грабит Россию», — заявляют русские ультранационалисты.

Эта концепция страдает мегаломанией и со временем обрастает новыми фантазиями и самыми странными предположениями. Для нее не составляет труда удревить Аркаим на тысячу и более лет, сделать его «древнее египетских пирамид» и одновременно утверждать, что там плавил железо. Аркаим отождествляют и с Асгардом, таинственной родиной древнегерманского бога Одина. Истоки этого мифа опять-таки ищут у предков славян. Ничуть не сложнее оказывается и обвинить «советских масонов» в варварских планах затопления Аркаима и призвать «ариев» к возвращению на «Индо-Европейский (Ведический) магистральный путь развития» во имя восстановления «Духовной Сверхдержавы (в границах СССР 1975 года)».

Еще одна «теория» столь же произвольно, на тысячу лет, омолаживает памятники типа Аркаима и Синташты для того, чтобы объявить Южный Урал родиной пророка Зороастра, где

он создал священную *Авесту*, перед тем как унести свет нового учения далеко на юг. Строительство Аркаима, «города арийской иерархии и расовой чистоты», приписывается самому легендарному царю Йиме, а Синташтинский могильник объявляется местом захоронения «великого древнерусского жреца-воина» Зороастра.

Символом русского арийства объявляется свастика. Печально, что пищу для этой, как, впрочем, и для многих других, «арийской идеи» русских ультранационалистов подбросили археологи, попытавшиеся реабилитировать свастику, находя ей аналогии как в традиционной русской сельской культуре, так и в материалах Аркаима.

«Арийская астрология» на Южном Урале

Одновременно «арийская теория» пришла по вкусу русским астрологам. Самые известные из них, Павел и Тамара Глоба, приверженцы зороастризма и «арийской астрологии», поняли значение Аркаима по-своему. Ведь недаром Павел Глоба упорно настаивал на том, что древнеиранские жрецы имели особый интерес к территории будущей России, что пророк Зороастр родился в Волго-Уралье и что именно в России следует искать следы давно забытой древнейшей цивилизации.

Тамара Глоба посетила Аркаим в 1991 году в дни летнего солнцестояния. Там она заявила, что память о нем веками хранили индийские маги и что его открытие предсказал еще средневековый астролог Парацельс. Позднее в ряде своих выступлений она даже давала понять, что открытие Аркаима является ее заслугой. У нее нет сомнений в том, что он является тем самым городом-храмом, который построил легендарный царь Йима, правивший ариями в «Золотом веке». Урал она объявляет «центром мира», а «Страну городов» — серединой Земли. То, что

«остров прошлого», Аркаим, как бы всплыл из небытия, служит ей залогом того, что «Урал соберет ариев» и «станет местом их духовной концентрации» после тысячелетий «власти тьмы». России же, находящейся под созвездием Водолея, предназначено великое будущее, и «она будет владеть миром». Тех, кто скептически относится к «арийской идее» и видит в ней родимые пятна нацизма, Тамара Глоба уличает в «страхе перед будущим России...». Мало этого. Она пытается обелить не только «арийцев», но и свастику, называя ее «символом связи Руси с арийской расой». В доказательство она приводит изображения свастики, которые иногда встречаются на глиняных горшках из Аркаима, и заявляет, что свастика заложена в самой конструкции этого городища.

Организации мистиков и оккультистов работают и в самом Челябинске. Они ежегодно проводят праздники, фестивали или сборища своих последователей и почитателей, которые съезжаются сюда со всей страны и из-за рубежа. Обычно это бывает весной и летом, и в программу нередко входит посещение Аркаима.

Ведь с тех пор, как археологи объявили Аркаим наследием солнцепоклонников-ариев, вокруг него создалась

атмосфера таинственности, и он был признан местом скопления мистических сил. Сюда хлынул нескончаемый поток туристов, среди которых видное место заняли последователи учения Рериха, астрологи, оккультисты, неоязычники, кришнаиты, огнепоклонники и просто люди, жаждущие исцеления от изматывающих недугов. Наиболее популярна ночь на Ивана Купала, с 24 на 25 июня, когда здесь проходят языческие ритуалы с танцами и прыжками через огонь, массовые оргии с купанием в реке, медитации и песнопения. Долину посещают беременные женщины, которые верят, что воды реки Караганки действуют на них не менее благотворно, чем Ганг. Туристы любят подниматься на возвышающуюся над долиной Лысую гору, где часами «ловят» истекающую из Космоса энергию.

...Ослепительным метеором вспыхнул Аркаим на смутном небе постсоветской действительности, заронив искры сомнений и надежд в умы обитателей России. Пройдет время, и миражи исчезнут, но загадка несостоявшейся южноуральской цивилизации еще долго будет волновать воображение исследователей. Хочется верить, что музею-заповеднику «Аркаим» суждена долгая и плодотворная жизнь. ■

Музей на месте раскопок: Большая Пирамида в Мехико

Эдуардо Матос Моктесума
(Eduardo Matos Moctezuma)

Обнаруженная в самом сердце Мехико Большая Пирамида стала одной из наиболее выдающихся археологических находок на территории страны, чрезвычайно богатой историческими памятниками мирового значения. Создание здесь музея на месте раскопок рассматривалось как уникальная возможность осуществления новаторских программ, направленных на изучение столь ценного культурного памятника и на его интерпретацию для посетителей — как местных жителей, так и приезжих. С 1978 года Э. Моктесума является координатором проекта и директором Музея Большой Пирамиды. Его деятельность получила международное признание. Он автор более 75 статей и 40 книг, доктор honoris causa Университета штата Колорадо (США), награжден орденом Андреса Бельо (Республика Венесуэла), кавалер французского ордена Литературы и Искусства.

Тринадцатого августа 1521 года, после трехмесячной осады, ацтекские города Теночтитлан и Тлателолько пали под натиском армии Эрнана Кортеса и его союзников из числа враждовавших с ацтеками местных царьков. Эти города-близнецы просуществовали почти двести лет. Соперничая друг с другом, они достигли невиданного расцвета. Сила и власть Теночтитлана коренились в тройственном союзе Теночтитлана, Такубы и Тескоко, тогда как Тлателолько развил, правда длившуюся недолго, торговую экспансию в различных частях Центральной Америки. В 1473 году армия Теночтитлана нанесла Тлателолько сокрушительный удар и овладела им. Однако в период испанского завоевания оба города объединили усилия в борьбе с иноземцами и местными племенами, выступившими на стороне испанцев против своих угнетателей, которым они были обязаны платить дань, — ацтеков Теночтитлана.

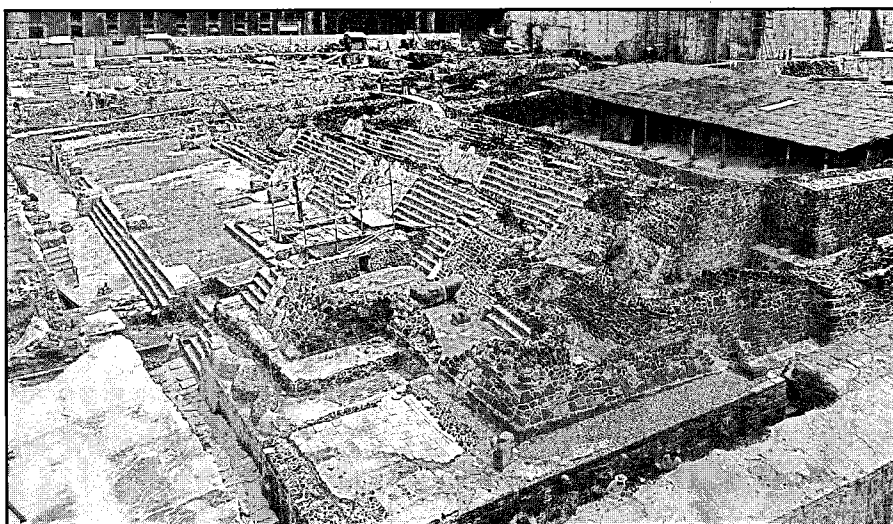
Война с испанскими завоевателями была жестокой. Повсюду они приносили разрушение, стирая храмы с лица земли. Монах-францисканец фра Торрибио де Бенавенте сравнивал это разрушение с таким бедствием, как эпидемия чумы в Египте. На месте древнего Теночтитлана Кортес приказал построить новый город, столицу колонии Новая Испания. Постепенно исчезли последние следы плани-

ровки древнего города ацтеков, которую сменила застройка, характерная для испанских городов.

С тех пор прошло почти пять веков. Сегодня Мехико занимает огромную территорию, под которой все еще сохраняются следы городов и деревень доиспанского периода. 21 февраля 1978 года сотрудники компании «Электрик лайт энд пауэр компани», производившие работы в самом центре Мехико, наткнулись на какой-то скульптурный фрагмент. Вызванные ими археологи из Национального института антропологии установили, что это была огромная каменная скульптура диаметром более трех метров, изображавшая Койольксаукви — богиню Луны и сестру бога Солнца и войны Уицилопочтли. находка положила начало возглавляемому мной проекту исследования Большой Пирамиды. Всего на осуществление раскопок в центре Мехико этого главного храма ацтеков отводилось пять лет.

Одна из программ, разработанная совместными усилиями археологов, реставраторов, биологов, химиков, историков и других специалистов, предусматривала создание музея на месте сохранившихся остатков Большой Пирамиды, где предполагалось экспонировать обнаруженные здесь богатые археологические находки. Общий план музея разрабатывался с учетом особен-

Фотография представлена автором

Общий вид раскопок Большой Пирамиды.

ностей храма, который представлял собой здание, посвященное двум богам. В его верхней части, куда вели две лестницы, располагались два святилища: бога дождя Тлалока, покровительствовавшего земледелию и орошению, и бога войны Уицилопочтли. Музей также проектировался двухчастным и, так же как Большая Пирамида, обращен на запад. Посетитель входит в вестибюль, где расположен огромный макет церемониального двора города ацтеков, разделяющий здание на два крыла: вода и война, жизнь и смерть.

Каждое крыло состоит из четырех залов, соединенных на верхнем уровне балконом, с которого посетители могут любоваться величественной, колоссальных размеров статуей богини Койольксаукви. Прежде чем войти в музей, посетители могут осмотреть остатки Большой Пирамиды, обнаруженные археологами за пять лет напряженной работы. Архитектурные фрагменты демонстрируются вместе с другими экспонатами таким образом, что посетитель получает ясное представление о значении того места, где находилось главное святилище ацтеков.

Музей, основанный на человеческом подходе

Я всегда считал вполне оправданным существование больших музеев. Но в то же время я полагаю, что едва ли можно осмотреть за одно посещение их обширные помещения и сокровища, которые представляют собой результат многовековой деятельности множества людей. Тем более, если это посетители из других стран, которым не хватает времени, но тем не менее хочется увидеть великие творения прошлого и настоящего. Создание Музея Большой Пирамиды давало возможность построить здание, отвечавшее его целям, с учетом того, что оно входит в археологическую зону, расположенную в самом центре столицы, и окружено постройками в колониальном стиле. Исходя из этого, архитектор проекта Педро Рамирес Васкес остановил свой выбор на описанном выше проекте музея, основанном на четко проработанном плане и смелом

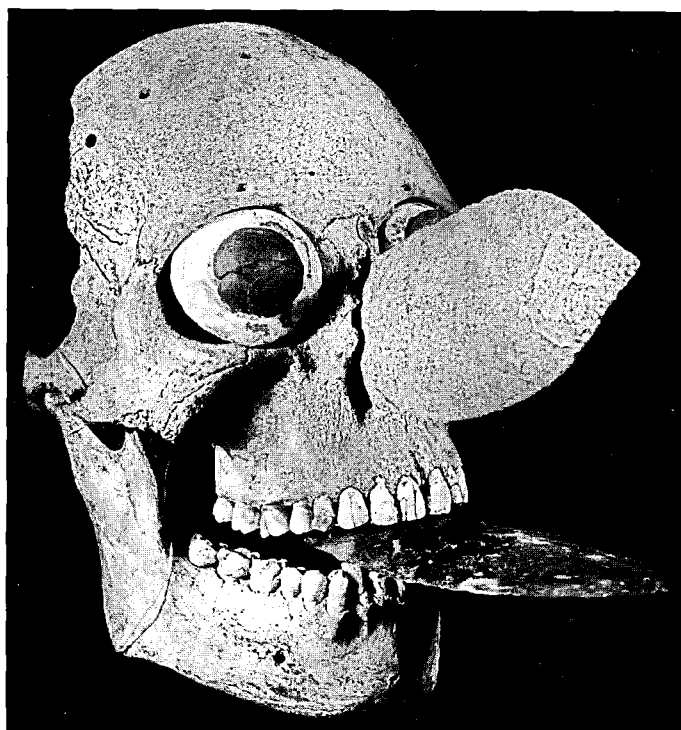
Фотография предоставлена автором

музеографическом подходе Мигеля Анхеля Фернандеса.

Осмотр руин и музея занимает не более часа. Поэтому мексиканцы или иностранные посетители могут также осмотреть другие значительные памятники — такие, как собор, муральи Диего Риверы в Национальном дворце или любой из более чем сорока музеев и культурных учреждений, находящихся на территории исторического центра города. Собрание Музея Большой Пирамиды невелико и отличается однородным характером, что задает четкую определенность теме осмотра. Кроме того, музей стоит на том самом месте, где собиралась хранящаяся здесь информация. С того дня 12 октября 1987 года, когда музей был торжественно открыт тогдашним президентом страны, его посетило свыше 6 млн человек — детей и взрослых, мексиканцев и иностранных посетителей.

В Музее Большой Пирамиды проводится разнообразная работа с посетителями, желающими побольше узнать об этом памятнике. Был разработан ряд программ для тех, кто чаще других посещает нас, — прежде всего для групп туристов и школьников. Мы предприняли также меры, направленные на то, чтобы сделать более ком-

Святилище с черепами, расположенное в северной части Большой Пирамиды. На заднем плане — здание собора.

Фотографии предоставлена автором

Один из экспонатов музея: череп с воткнутыми в него кремневыми ножами.

фортным посещение музея для лиц, по разным причинам испытывающих определенные трудности при его осмотре. Так возникла программа для инвалидов по зрению, получившая название «Новые возможности для ваших чувств», в соответствии с которой специально подготовленный музейный персонал проводит занятия с группами слепых детей и взрослых. В залах музея были размещены копии экспонатов, расположенные таким образом, чтобы их можно было трогать руками, и снабженные этикетками, выполненными шрифтом Брайля. Предусмотрены специальные возможности и для групп глухонемых посетителей: с находящимися в экспозиции предметами они знакомятся посредством языка жестов. В музей приходят и умственно отсталые дети.

Таким образом, в музее разрабатываются программы для самых разных категорий посетителей. Сразу же после его открытия мы решили создать еще одну программу, «Музей у вас в гостях», которая оказалась очень успешной. С помощью соответствующих аудиовизуальных средств наши гиды за-

писали «представление», где рассказывается о музее и культуре ацтеков. Интересной особенностью этой программы является то, что она предназначена для людей, которые не могут сами прийти в музей. Мы демонстрировали ее в тюрьмах города Мехико — как мужских, так и женских — и в центрах содержания малолетних преступников. Мы также ездили с ней по стране, и иногда нам приходилось переводить текст специально для населения отдаленных деревень, где говорят преимущественно на местных языках. Таким образом нам удалось стимулировать интерес к музею у той части населения, которая, в силу сложившихся обстоятельств, не могла бы посетить Большую Пирамиду.

Кроме того, для заключенных мы организуем лекции и занятия в мастерских, где они создают из глины копии археологических находок, которые им показывают на слайдах. В конце занятий они получают документ об участии в работе мастерских. А группам малолетних нарушителей предоставляется возможность посетить музей, где им вручается награда за посещение мастерских.

Мы убеждены в том, что музей, независимо от его профиля, не только должен открывать свои двери перед массовым посетителем, но и проявлять особую заботу о тех, кто по разным причинам не может пойти в музей. Заключение, обитатели домов для престарелых, люди, живущие в глубинке, — все они имеют право знать свое наследие и свою историю. И музей должен сам прийти к ним — это его важнейшая обязанность.

Тем временем научные исследования продолжаются, а раскопки ведутся уже на территории, прилегающей к Большой Пирамиде. Программа «Археология в городе» (ПАУ) осуществляется в семи кварталах исторического центра Мехико, под которыми, как предполагают, находится древний церемониальный двор ацтеков. Архитекторы, принимающие участие в раскопках Большой Пирамиды, контролируют все строительные работы, ведущиеся как государственными, так и частными компаниями на этой территории. К числу наиболее значительных строительных проектов относится укрепление собора. Здание серьезно пострадало от осадки грунта на территории Мехико в результате понижения уровня грунтовых вод. Когда под собором было вырыто более 30 колодцев, обнаружилось большое число находок — от построек до различных приношений из дерева, камня, глины, а также настенные росписи и другие образцы.

Все эти предметы экспонировались в временной выставке, которая также познакомила публику с ходом раскопок в окрестностях храма. Подобные выставки, открытые для посетителей в течение трех месяцев, служили хорошей иллюстрацией проходивших по соседству работ. Демонстрировались также находки, сделанные нашими коллегами, археологами, в других районах Мексики.

План выставок включает программу временного обмена экспонатами с другими мексиканскими музеями. Ее смысл состоит в том, чтобы познакомить публику с предметами или группами предметов из провинциальных музеев, выставив их в залах Музея

Большой Пирамиды. Мы в свою очередь направили в эти музеи передвижную выставку, составленную из наших экспонатов. Реализация этой программы открывает доступ к памятникам, которые можно было бы увидеть, только посетив музей.

Музей Большой Пирамиды занимает по посещаемости 3-е место после Музея истории в замке Чапультепек и Национального музея антропологии. У музея нет места для собственной автостоянки, но он стал одной из главных достопримечательностей центра Мехико, самого большого мегаполиса мира. Здесь посетитель может не только полюбоваться современным городом, но и познакомиться с постройками колониальной эпохи, а также с остатками древнего города ацтеков. ■

Фотографии предоставлена автором

Слепые дети ощупывают руками копию одного из экспонатов.

Индия: археологические музеи на месте раскопок и их значение для культурного образования

*И.К. Сарма
(I.K. Sarma)*

В Индии традиция создания местных музеев, специально предназначенных для хранения и показа археологических находок, существует уже более ста лет. Благодаря политике правительства, поддерживающего сохранение древних остатков и предметов материальной культуры в первоначальном контексте, крупномасштабные работы по их спасению явили миру несметные культурные сокровища, в которых отразилась древняя и разноликая история страны. Автор более двухсот статей и нескольких книг, И. К. Сарма много лет проработал в Департаменте археологических исследований Индии, где руководил раскопками на территории известных археологических мест. Возглавлял отделы консервации и древностей различных музеев, затем ушел в отставку. В настоящее время является директором Музея Салар Джанг в Хайдарабаде.

В Индии археологические музеи, создаваемые на месте раскопок, составляют особую группу, отличающуюся от других музеев: районных, региональных или государственных музеев страны, которые являются городскими многоцелевыми учреждениями различного профиля, хранящими соответствующие экспонаты разного происхождения. В отличие от них музеи на месте раскопок — это особые культурные хранилища, расположенные главным образом в сельских районах Индии, причем обязательно на территории имеющих важное значение памятников археологии и исторических мест. В них хранится множество древностей, обнаруженных в результате раскопок, исследований и значительных консервационных и реставрационных работ. Эти предметы демонстрируются в первоначальном контексте при полном сохранении их экологического окружения. Таким образом, понятие «музей на месте раскопок» включает не только его местоположение, наличие археологической коллекции, но и общий исторический контекст места.

Основанный в 1874 году Археологический музей в Матхуре (ранее Археологический музей Керзона) был первым музеем такого типа. В нем хранятся археологические находки, происходящие из древних руин города Матхура. Следующим стал созданный в 1892 году Музей Биджапура в Карнатаке, основанный в Накхар-Хана, близ знаменитого мавзолея Гол-Гумбаз.

Музеи, полностью посвященные археологии, стали получать все большее признание после того, как в 1899 году лорд Керзон стал вице-королем Индии. Представляя в 1904 году Биллю о сохранении памятников древности, он четко определил цели тех учреждений, которые называл «местные музеи»:

...сохранение в коллекциях или музеях древних или редких предметов, вырванных из своего контекста, либо предметов, чей контекст полностью утрачен. Почетные члены смогут ознакомиться с наиболее значительными музеями

в крупных городах Индии, обладающими достаточно ценными коллекциями предметов, однако зачастую поврежденными, не идентифицированными и не каталогизированными, а порой и безобразно размещенными. Раньше задача состояла в том, чтобы в провинциях или округах скупать все без разборки скульптурные фрагменты и отправлять их в Провинциальный музей. Познакомившись подробнее с положением дел, я пришел к выводу, что это в корне неверно. Предметы, представляющие интерес с археологической точки зрения, могут быть лучше изучены в непосредственной связи и вместе с постройками того вида и стиля, к которому они относятся, при условии их привлекательности для посетителя и выгодного местоположения. При переносе же в другое место они становятся менее ценными, а то и вовсе утрачивают свое значение¹.

В своей книге, вышедшей в свет в 1936 году, Маркем и Харгривз вернулись к идеям лорда Керзона: «Это стало политикой правительства Индии сохранять древние предметы, найденные на территории древних поселений, в тесной связи с руинами, к которым они относятся, с тем чтобы их можно было изучать в первоначальном контексте и они не утратили своей значимости, что неминуемо произошло бы при их переносе в другое место»².

Так была заложена основа для создания музеев на месте раскопок. Замечательные археологические открытия, сделанные после того, как в 1902 году на пост генерального директора Департамента археологических исследований Индии (АСИ) был назначен Джон Маршалл, вызвали во всем мире огромный интерес к индийскому наследию. Джон Маршалл, действительно, был настоящим первопроходцем в этой области, создавшим целый ряд музеев на месте раскопок, которые появлялись как грибы после дождя: в Сарнате (1904), Агре (1906), форте Дели (1909), Кхаджурахо (1910), Наланде (1917) и Санчи (1919), не считая тех, что находятся на территории

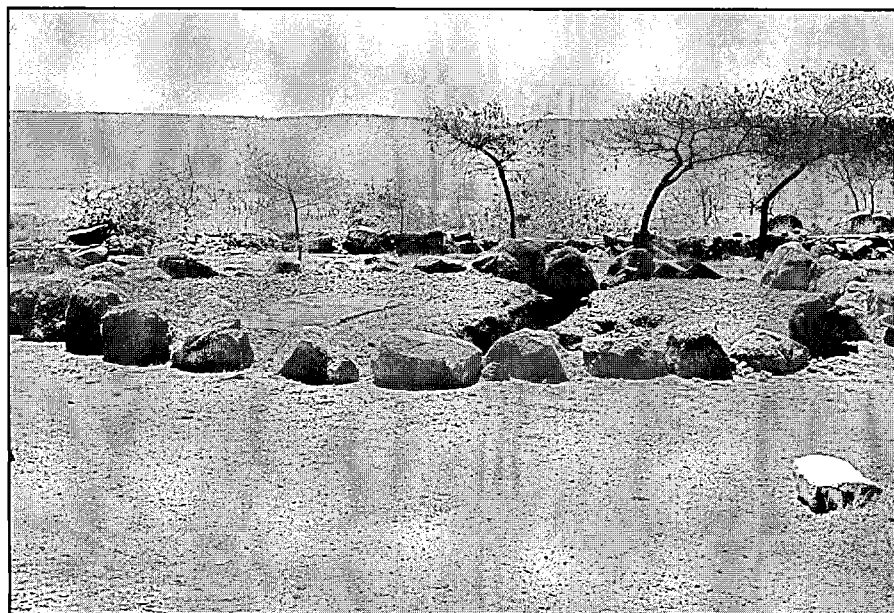
нынешнего Пакистана. Кроме того, неподалеку от таких мест или памятников сооружались небольшие укрытия — полевые запасники скульптуры. Так закладывались основы будущих музеев мест археологических раскопок, которые размещались в строившихся музейных зданиях либо становились частью близлежащего памятника, где организовывалась экспозиция и предпринимались соответствующие меры безопасности.

Расцвет археологии в Индии стал заслугой Александра Каннингема, основавшего в 1861 году Департамент археологических исследований Индии. Неукротимый энтузиазм, с которым он собирал и изучал археологические материалы, способствовал распространению всеобщего интереса к индийской археологии. С него брали пример другие видные ученые, также проводившие раскопки древних поселений и тщательно документировавшие находки. Они спасали сокровища от небрежного обращения или гибели от рук местных жителей. Однако вывоз скульптуры с мест раскопок был чрезмерным и неуместным рвением, и, как верно заметил профессор Чилдерз во вступлении к выпущенной Каннингемом работе в Бхархуте (1899), «от него пахивало вандализмом»³.

Но даже после того, как Джон Маршалл создал первые музеи на месте раскопок, в новые залы Государственного музея в Мадрасе были перевезены представляющие большую ценность скульптуры из руин храмов в Хемаватхи и Данавулападу. В 1965 году профессиональный археолог, директор одного из музеев, который проводил раскопки *ступы* в Кесанапалли, вывез из нее все архитектурные и скульптурные фрагменты, использовав их затем для украшения входа в одно из административных зданий в Хайдарабаде. Таким образом, были безвозвратно утрачены исторический и археологический контекст и взаимосвязь скульптур с другими сооружениями. Подобных случаев немало и в других районах страны.

Спасение мест археологических раскопок

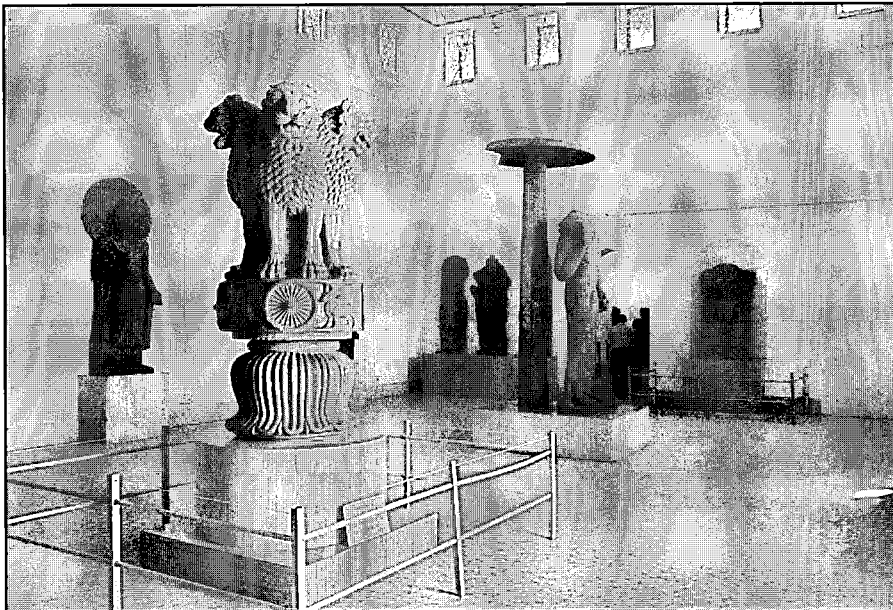
За сто лет число музеев на месте раскопок выросло, увеличиваясь медленно, но верно. Нехватка средств и необходимого технического и административного персонала затрудняла преобразование полевых запасников скульптуры в музеи археологических мест. Тем не менее правительство Индии с помощью АСИ проводило в

Фотография предоставлена автором

Мегалит пятого века, перенесенный на новое место, из Нагарджунаконды.

Фотография предоставлена автором

Экспозиция главного зала музея в Сарнате, штат Уттар-Прадеш.

жизнь хорошо разработанную единую политику по созданию на территории древних поселений и монументальных комплексов музеев на месте раскопок, служивших хранилищами культурных реликвий в сельской глубинке, с тем чтобы разработать для сельских жителей полезную образовательную программу. В 1946 году был создан самостоятельный Отдел музеев со штаб-квартирой в Музее Центральной Азии в Нью-Дели. В 1947 году в Индии насчитывалось 9 музеев на месте раскопок, три из которых — в Таксиле (1918), Мохенджо-Даро (1925) и Хараппе (1926) — расположены на территории нынешнего Пакистана.

Феноменальным ростом музеев на месте раскопок, число которых увеличилось до 20, ознаменовались годы работы в АСИ в 1953—1968 годах А. Гхоша. В 1965 году Контрольный комитет принял ошибочное решение о закрытии одного из таких музеев в Кондапуре на том основании, что «его посещаемость мала, а значение самого археологического участка не так уж велико». Именно А. Гхош вдохнул новую жизнь в этот музей, который был модернизирован и существует по сей день, хотя здесь необходимо продолжить проведение широкомасштабных раскопочных работ.

Однако в результате строительства крупных ирригационных плотин ГЭС в Нагарджунасагаре (1954—1960) и Шри-Сайламе (1976—1982), которые перегораживали реку Кришну на территории штата Андхра-Прадеш, возникла угроза затопления обширных

долин, где находились многочисленные древние поселения и храмы. И тогда в этих местах были предприняты беспрецедентные по своему масштабу спасательные работы, в ходе которых раскопанные участки, монументы и храмы были буквально перенесены на другое место. Некоторые наиболее ценные скульптуры, фрагменты надписей и архитектурные детали, имеющие большое художественное значение, перевезли в безопасные места. В Нагарджунаконде все обнаруженные во время раскопок богатые находки: большие и малые части строений, архитектурные фрагменты и другие древности — были изъятые из грунта и перенесены на одноименный участок за холмом. Так возник первый в стране островной музей с экспонатами, выставленными под открытым небом, среди которых были как перевезенные сюда памятники, так и масштабные модели. В нем был сохранен первоначальный экологический и исторический контекст. Часть уникальных и редких архитектурных фрагментов, скульптур и символов поклонения перенесли в залы музея, а на «трансплантированных» участках разместили точные копии символов и фрагментов с надписями. Конечно, это были мероприятия исключительного характера.

До 30-х годов многие считали, что музеи существуют для ученых, которые ими и управляют, и что все коллекции должны выставляться в залах музея. Отбор предметов для экспозиции в музеях на месте раскопок отличается от того, как он производится в

Фотография представлена автором

других музеях — районных, региональных или государственных. Хотя находки классифицируются на основе типологии — каменная скульптура, монеты, эпиграфика, керамика и прочие древности, — нельзя не учитывать стратиграфию и расположение культурных слоев раскопанного участка. Экспозиция должна отражать последовательность культурных слоев и особенности контекста данного места, используя в этих целях большие фотографии, модели и диорамы. Экспозиция в главных залах должна быть более привлекательной, чем учебная; также необходимо иметь «резервную» коллекцию, которая может предоставляться во временное пользование или предназначаться для обмена.

Коллекции из запасников строятся таким образом, что могут служить настоящим справочником древностей. В музеях, создаваемых на месте раскопок, хранится огромное разнообразие найденных при раскопках произведений прикладного искусства и других древних предметов, в большом количестве поступивших в результате осуществленных государством проектов спасения на территории средневековых городов Хампи, Фатехпур-Сикр и Голконда. Необходимо провести их классификацию и систематизацию в соответствии с принадлежностью к тому или иному археологическому участку таким образом, чтобы, вместе взятые, предметы, экспонируемые в залах музея, и те, что находятся в запасниках, создавали бы наглядную и цельную картину последовательного развития истории культуры.

Сохранение целостности археологического участка

В начале XX века материалы крупных раскопок (например, в Мохенджо-Даро) беспрепятственно вывозились в неспециализированные многопрофильные музеи, находившиеся в ведении штата или государства. Так, бронза из Наланды оказалась в музее Патны, богатейшая коллекция ценных камней и монет Пирса — в разных индийских музеях, шкатулки с реликвиями из *ступ* Андхры — в Государственном музее Мадраса, и это лишь немногие примеры того, что происходит постоянное распыление находок. Известны также случаи широкомасштабного изъятия скульптур и их перевозки в музеи других стран: например, в результате подобного перемещения знаменитые скульптуры из Амаравати стали украшением фасадных залов Британского музея. Когда от университетов или правительств штатов поступает просьба о предоставлении им во временное пользование скульптур или других древностей, АСИ решает вопрос с учетом ценности того или иного предмета в целях содействия археологическим работам, изучению искусства и исследовательской деятельности.

Однако все же не стоит поощрять предоставление во временное пользование предметов из музеев на месте раскопок, поскольку они составляют единое целое и, следовательно, не могут быть вырваны из своего контекста. Их следует изучать в неразрывном единстве первоначальных связей, поэ-

Ограда ступы, Бодхгайя.

тому недопустимо выдавать их или обменивать на долгосрочной основе, даже в пределах страны. Более того, в АСИ не существует иной системы приобретения памятников искусства или древностей для пополнения или расширения его музеев, кроме проведения дальнейших раскопок, которые могут (или нет) пополнить их новыми находками. Даже если обнаруживается значительное число одинаковых или схожих предметов, это также является важным для культурных исследований, поскольку характеризует экономическое развитие и традиции народа. Музеи на месте раскопок — это «музеи, где хранятся и экспонируются материалы, обнаруженные во время археологических раскопок или в результате иных систематических исследований; к ним не относятся музеи древних предметов искусства, происходящих из других источников или добытых другими способами»⁴.

В документе, представленном на рассмотрение Комитета государственных экспертов по Международной защите культурных ценностей (Конференция ЮНИДРУА, Рим, сентябрь 1993 года), особо указывается на необходимость возвращения культурной собственности на место ее происхождения. Предметы, выдающиеся по своему культурному значению и являющиеся неотъемлемой частью того или иного памятника, имеющего большую художественную и историческую ценность, — даже если они были изъяты на законном основании и по распоряжению находившегося в то время у власти правительства — должны быть возвращены соответствующему государству или на прежнее место для того, чтобы их художественно-исторические, архитектурные и контекстуальные особенности были сохранены для человечества. Вот что писал по этому поводу Мэтью Гэлбрейт в своем письме, адресованном редактору издания *Hindu*, в котором он выразил тревогу по поводу современного состояния всемирно известной *ступы* в Амаравати: «Сегодня остатки этого архитектурного чуда... разбросаны повсюду, в том числе в музеях Калькутты и Мадраса, а также в Британском музее. Как

любой мех никогда и ни на ком не выглядит лучше, чем на его первом обладателе, животном, так и древние мраморные фризы или скульптуры никогда не будут выглядеть естественно в музее или каком-то другом окружении... Сегодня Амаравати пребывает в забвении и небрежении... предлагая нам все еще прекрасную, но далеко не полную картину бывшего великолепия *ступы*»⁵. Хранящиеся в Британском музее и парижском Музее Гиме архитектурные фрагменты с надписями из Махачайтъя (Амаравати) были вывезены из страны английскими археологами. Рассеянные таким образом части реликвии не дают полного представления об этом памятнике. Находящиеся в Британском музее большие части конструкций или орнаментированные детали, части перекрытия и плиты парапета являются лишь фрагментами — такими же, как и те, что разбросаны по территории музея этого археологического места. Необходимо отправить все части этого древнего сооружения на место их происхождения, чтобы они предстали во всей своей полноте, тем более что речь идет о памятнике мирового значения.

Некоторые видные индийские музеологи увлечены идеей перенесения предметов и древностей, имеющих большое значение для национальной культуры, из музеев на месте раскопок и полевых запасников для скульптуры в районные, региональные или государственные музеи и музеи штатов. По их мнению, это объясняется тем, что музеи на месте раскопок и принадлежащие им коллекции скульптуры расположены в районах, недоступных как для индийской публики, так и для ученых, и, кроме того, они не способны обеспечить защиту предметов от разрушения, причиной которого могут быть климатические изменения, вандализм, кражи и возможные перемещения.

Они игнорируют тот факт, что в музеях, создаваемых на месте раскопок, и полевых запасниках скульптуры обеспечивается хороший уход и надлежащая охрана, причем, если необходимо, вооруженная, а сохранность

Фотография предоставлена автором

предметов гарантируется благодаря соответствующей химической обработке. Очень важно также и то, что они служат делу культурного образования страны. Сегодня в Индии не существует недоступных для осмотра памятников или музеев археологических мест, а их посещение приносит радость и удовольствие как сельским жителям, так и ученым. Музеи на месте раскопок — это неформальные центры просвещения и досуга, поэтому очень важно делать акцент не столько на роли хранителей коллекций и специалистов по учету, сколько на вопросах коммуникации и образования. Такие музеи могут участвовать в образовательных программах первой и второй ступеней, а что касается связи с высшей школой, то их вполне можно рассматривать как исследовательские учреждения специализированного типа. В этих целях в Индии при каждом музее на месте раскопок создаются хотя бы небольшие библиотеки специальной литературы, предназначенные для посетителей.

Как заметил однажды Уильям Эванс Хойл, «музей должен ориентироваться на среднего посетителя, подобно тому как хороший учитель стремится добиться в классе среднего уровня знаний»⁶. ■

Примечания

1. Lavat Fraser, *India Under Curzon and After*, pp. 363—364, London, 1911.
2. S. F. Markham and H. Hargreaves, *The Museums of India*, p.10, London, 1936.
3. A. Cunningham, *The Stupa of Bharhut*, p. vii, London, 1879.
4. A. Ghosh, 'A Note on Some Problems of Archaeological Museums', *Indian Museum Bulletin* (Calcutta), Vol. 1, No. 2, July 1966, pp. 53—54.
5. Письмо редактору, озаглавленное 'Amaravati Stupa', *Hindu*, 9 декабря 1995 года. 19 января 1996 года в *Hindu* был напечатан мой ответ, в котором обращалось внимание на то, что английские ученые не искажали и не разрушали индийского искусства, культуры и философии; напротив, они способствовали их сохранению для будущих поколений. Подобное отношение к чужой культуре достойно похвалы. В нем нет ничего общего с имперскими амбициями английского правительства.
6. William Evans Hoyle, 'Museums: Interesting or Otherwise', *Museums Journal* (London), Vol. 12, 1913, p. 8.

Экспонируемая в музее масштабная модель Махачайтъя (Амаравати, второй век).

Энам: новые технологии увековечивают прошлое

Дирк Каллебаут, Джон Сандерленд
(Dirk Callebaut, John Sunderland)

Археологический памятник Энам в Бельгии находится на древней границе между Франкским государством и Священной Римской империей. Здесь сохранился материальный мир средневекового общества, и его исключительное богатство было открыто благодаря интенсивным археологическим и историческим исследованиям. Поэтому было принято решение преобразовать этот участок в археологический парк, который бы популяризировал археологию, историю и консервацию в их единстве путем использования новаторского музееологического подхода и новых методов представления экспонатов. Старший научный сотрудник Института археологического наследия Фландрии Дирк Каллебаут является историком-археологом и специализируется на периоде средних веков. Он принимал участие в раскопках Петегема (королевская вилла времен Каролингов), Гента (Гравенстен) и Энама, где руководил проектом создания археологического парка. Джон Сандерленд — оформитель нескольких наиболее популярных европейских исторических и археологических экспозиций и выставочных центров, включая «Джорвик вайкинг сентер» (Jorvik Viking Centre) в Йорке и панораму «Белые утесы Дувра». Последние три года работает с группой археологов в Энаме, где отвечает за разработку проекта данного участка и недавно организовал международную компанию «ТаймФрейм сольюшнс» (TimeFrame Solutions), призванную обеспечивать оперативными системами интерпретации археологов и других сотрудников, работающих в области управления культурным наследием.

Проект по Энаму начался в 1982 году экстренными раскопками, которые переросли в крупномасштабное междисциплинарное исследование. Богатый оригинальный материал позволяет провести тщательное изучение прошлого Энама. В его истории выделяется два ключевых момента. Расположенный на реке Шельде, которая с 925 года разделяла Франкское государство и Священную Римскую империю, Энам сыграл свою роль на европейском театре действий в период с 974 по 1050 год. В те времена это поселение было центром владения маркграфа, что помогало защищать границы империи. Здесь была построена крепость, вокруг которой возникло поселение торгового люда. Быстрый рост этого поселка догородского типа озаменовался строительством двух церквей. Но в 1050 году граф Фландрии захватил Энам, что изменило характер поселения. Чтобы искоренить военный дух и придать более гражданский вид постройкам времен правления Оттонов, Баудевейн V основал здесь бенедиктинское аббатство. Энам, некогда считавшийся самым главным населенным пунктом Лотарингии, превратился в процветающую под сенью аббатства деревню. Так было до 1794 года, когда установившийся после Великой французской революции режим упразднил монастырь.

Сохранились чрезвычайно важные и разнообразные памятники, относящиеся к периоду завоеваний раннего средневековья, а также ко времени существования аббатства. К ним относятся:

- Крупный (8 га) археологический участок, расположенный на лугах по реке Шельде, на котором сохранился фундамент крепости раннего средневековья, торговое поселение (портус) и бенедиктинское аббатство.
- Церковь св. Лаврентия является единственным уцелевшим зданием периода правления Оттонов в Энаме. В ней сохранилось два клироса, безошибочно обозначенные приделы и оригинальное убранство, и она занимает исключительное место среди фламандских церквей.

- Ландшафт Bos t'Ename (Энамский лес) представляет историческую, эстетическую и научную ценность.

Каждый из этих объектов (в своей категории) весьма хорошо сохранился, то же самое можно сказать и об исторических источниках. Это позволяет интерпретировать материальные свидетельства в их конкретном контексте. Более того, применяемые здесь подходы выходят далеко за местные рамки. Приведем лишь один пример. Особый раздел истории средних веков посвящен возникновению и росту городов, и Энам дает великолепную возможность для изучения догородской стадии их развития. Эта область исследования приобретает большое значение благодаря тому, что изучается краткий период оккупации, который исключительно точно датируется.

Научные исследования истории Энама ведутся интенсивно и отличаются большим разнообразием. Институт археологического наследия несет ответственность за этот археологический участок, а Управление по охране памятников и ландшафтов отвечает за историко-экологические исследования Энамского леса. Им помогает ряд университетов (Амстердамский, Антверпенский, Брюссельский, Гентский, Лейденский, Лёвенский и Льежский), а также Королевский институт искусств, Институт охраны природы, Институт лесоводства и промысловой дичи и Королевский бельгийский институт естественной истории. Благодаря совместным усилиям не только была выявлена исключительная ценность памятников Энама, но и пришло осознание того, что Энам достоин быть открытым для всех и быть известным не только по публикациям результатов разнообразных исследовательских проектов.

По инициативе историка Жан-Пьера Ван Дер Мейерна, депутата от провинции Восточная Фландрия, было решено превратить этот участок в археологический парк. В основе проекта лежит идея эмоционального восприятия памятников, «сопереживания их истории», а также новые методы их пред-

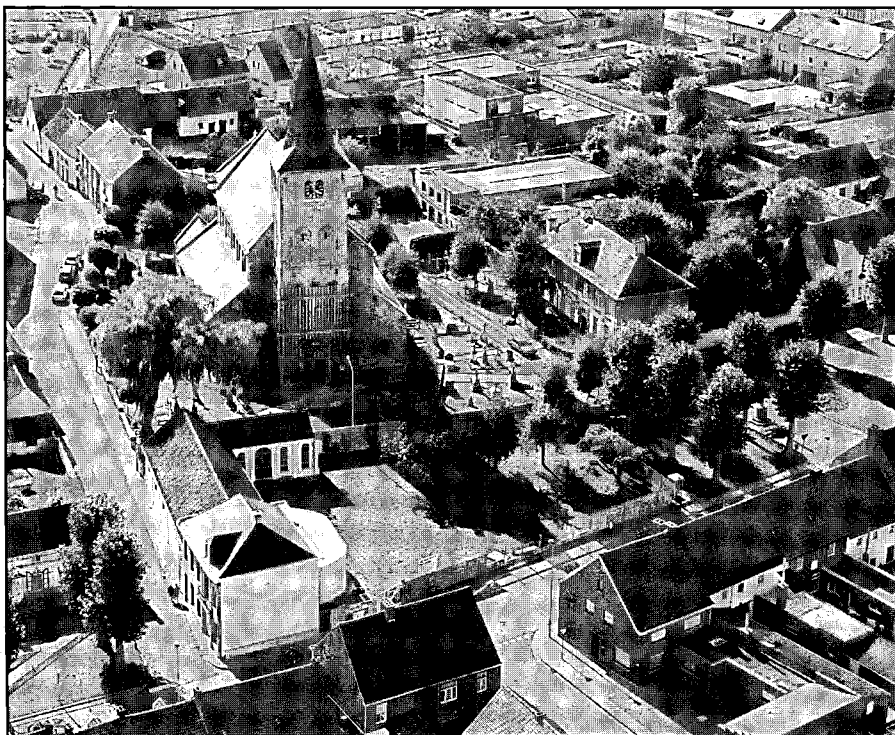
ставления. Другими словами, интерпретировать памятник — значит понять тех людей, чья жизнь была в определенной степени обусловлена этими зданиями. Наш подход также предполагает изучение эволюции ландшафта, в котором эти памятники занимают такое господствующее положение.

Для представления Энама важны два эпизода из его истории. С одной стороны, существует история местной общины, которая, по сути, мало чем отличается от событий, происходивших повсеместно. С другой, Энам, на протяжении 75 лет служивший сторожевым постом на реке Шельде, вдруг стал играть важную роль в европейской жизни. Местная история Энама, связанная, хотя и временно, с международным присутствием, предлагает две точки зрения на показ его памятников. Строительство археологического парка осуществляется провинцией Восточная Фландрия, Институтом археологического наследия и городом Ауденарде.

Рассказать всю историю

Публика может получить ясное представление о прошлом Энама, посетив три места: музей в городском центре, исторический лес *Bos t'Ename* и музей под открытым небом на берегу реки Шельды.

В тени церкви св. Лаврентия стоит здание XIX века, приобретенное властями провинции Восточная Фландрия для размещения в нем музея археологического парка, проект которого разрабатывается под руководством Джона Сандерленда. В музее, который намечено открыть в 1998 году, будет во всех подробностях представлена повседневная жизнь общины Энама на протяжении тысячи лет — с раннего средневековья по XX век включительно. Цель данной экспозиции — открыть посетителям глаза на историю, которая их окружает. Поэтому прошлое представлено здесь как картина, воссозданная по фрагментам стараниями исследователей. Посетители смогут узнать, как с помощью интерак-

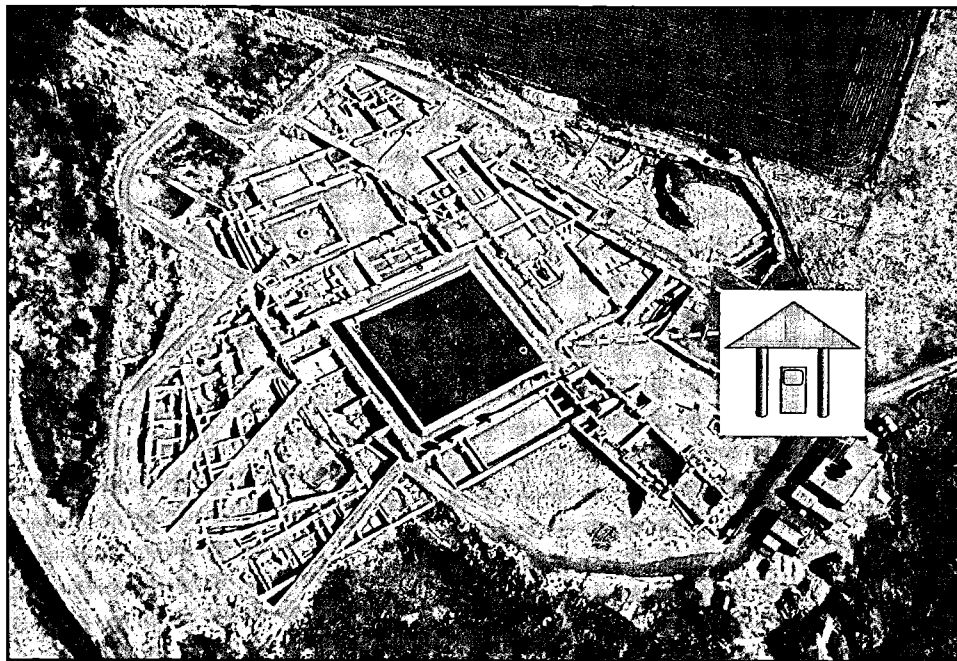

Фотография предоставлена авторами

Вид церкви св. Лаврентия, одной из наиболее сохранившихся церквей периода раннего средневековья в Бельгии. В находящемся на переднем плане здании XIX века будет размещен провинциальный музей археологического парка.

Справа: вид археологического фундамента бенедиктинского аббатства со врезкой, на которой изображена первая система «Временные рамки», показывающая фундамент церкви аббатства.

Внизу: наследие Энама состоит из археологического участка с фундаментами раннесредневековой крепости, торгового поселения и бенедиктинского аббатства, а также церкви св. Лаврентия и исторического ландшафта Vos t'Энаме (Энамский лес).

Фотография предоставлена авторами

Фотография предоставлена авторами

тивного метода эти фрагменты складываются в единое целое. Так, просветительный отдел музея в игровой форме будет знакомить молодых людей с методологией исследования.

К югу от деревенского центра Энама, на зеленых холмах фламандских Арденн простирается особенно ценная историко-экологическая территория — Энамский лес. Со средних веков этот лес был связан с маленьким портовым городком и аббатством. Тропинка, идущая от музея, будет подчеркивать эту историческую связь с ландшафтом.

Еще один археологический участок был преобразован в музей под открытым небом. Общей проблемой при показе таких объектов, состоящих из плохо сохранившихся остатков комплексного характера, является необходимость их интерпретации в доступной для широкой публики форме. Задача эта не из легких: ведь как бы ни были впечатляющи и живописны археологические остатки, они не могут удерживать внимание посетителей продолжительное время. Аналогичную проблему пришлось решать и в Энаме. Посетитель видит лабиринты остатков фундамента бенедиктинского аббатства, которое оказывало влияние на жизнь Энама с 1063 по 1795 год. Остатки торгового поселения времен раннего средневековья (975—1050) не видны, поскольку они были представлены главным образом следами на поверхности грунта, которые были утрачены во время раскопок.

Некоторые археологические парки пытаются решить проблему частичного или полного воссоздания зданий, что является довольно радикальной мерой.

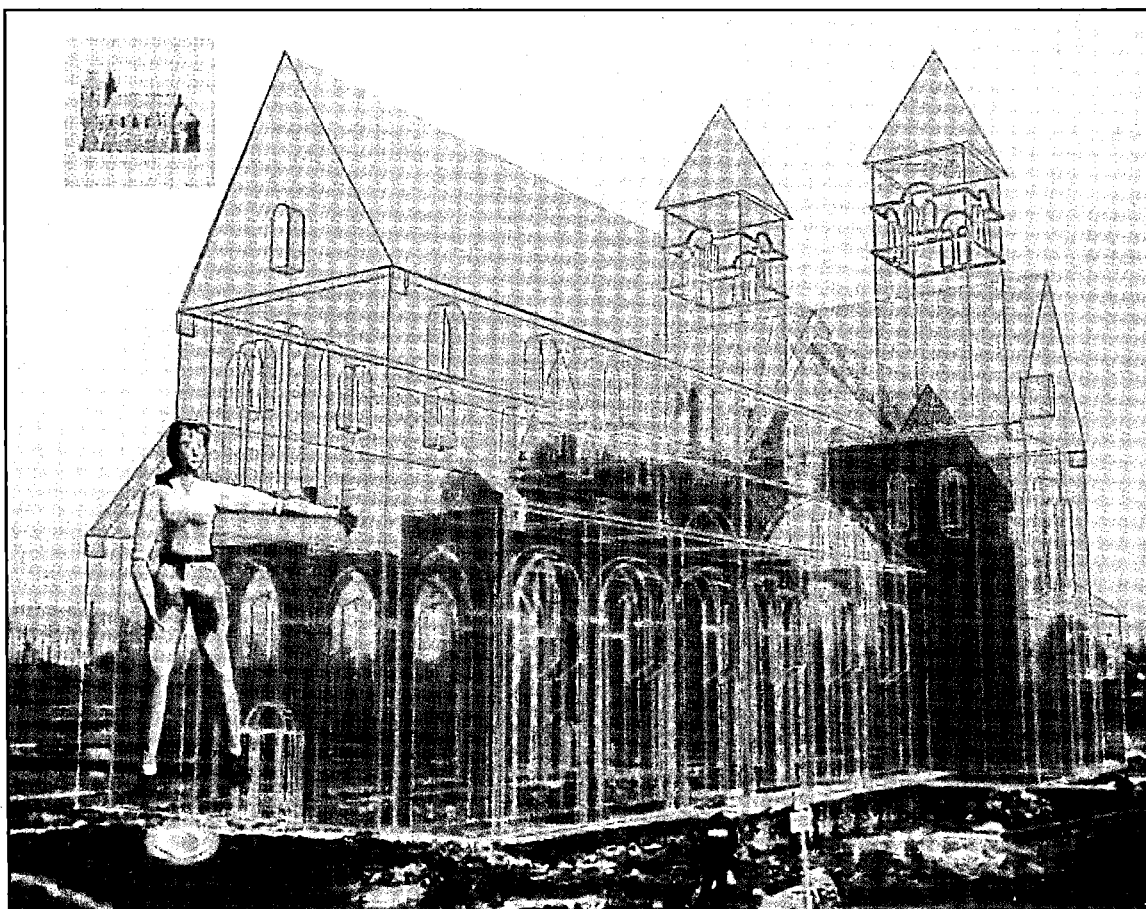
Если реконструкция не будет точной, то архитектура прошлого предстанет в искаженном виде. В этом случае строение придется уничтожить. По этой причине для Энама была разработана новая технология, последствия использования которой могут сказаться во всем мире. Данный метод показа участка позволяет интерпретировать его самым различным образом для разных категорий посетителей без проведения реконструкции. Мы называем этот эволюционный подход «ненавязчивой интерпретацией» — термин был специально создан Джоном Сандерлендом для Энама-974. В широком смысле имеются в виду многочисленные технические средства, названные «воротами времени», которые позволят возродить к жизни археологические памятники.

«Временные рамки»: сочетание реального и виртуального

В сентябре 1997 года на территории археологического памятника Энам была установлена первая интерпретационная система — «Временные рамки» (TimeFrame). Ее концепцию разработал Джон Сандерленд, а техническое исполнение принадлежало IBM. Институт археологического наследия Фландрии отвечал за обеспечение археологической информацией, а осуществление проекта было поручено властям провинции Восточная Фландрия. В качестве «пробного» объекта был взят фундамент церкви аббатства.

Какова концепция системы «Временные рамки»? Она, по существу, состоит из камеры, компьютерной системы, двух мониторов и сенсорного

Последовательный ряд кадров, сделанных прототипом системы «Временные рамки», дает изображение полупрозрачного трехмерного плана церкви св. Сальватора, который синхронизирован с изображением археологического фундамента в режиме реального времени. Посетитель смотрит как бы через окно на объект на открытом воздухе, который представлен как интерпретация эволюции археологического участка во времени.

Фотография предоставлена авторами

экрана. Кабина защищает систему «Временные рамки» и посетителей от неблагоприятных погодных условий. Камера направлена на фундамент церкви и передает изображение на экраны. Посетитель видит изображение археологических остатков в режиме реального времени, на которое накладываются фотографии, планы, рисунки и оживленные виртуальные изображения, рассказывающие об освоении и застройке данного места, при этом здания синхронно соединяются с ландшафтом в режиме реального времени. Сенсорный экран дает возможность пользователю выбрать нужную программу, и, когда на экране «завершается строительство» конструкции из какого-либо временного периода, полученное изображение можно сохранить для его виртуального исследования изнутри. Система «Временные рамки», в настоящее время созданная в Энаме, является прототипом. В течение двух месяцев она пройдет проверку, после чего на основании полученного опыта в нее будут внесены изменения. Реакция публики на систему «Временные рамки» может быть суммирована в словах одного из посетителей, который сказал следующее: «Я бывал здесь много раз, но только теперь благодаря этой системе я могу реально увидеть, о чем идет речь».

В 1998 году эта система будет полностью введена в действие. Несколько таких систем будет установлено на ключевых точках по маршруту вокруг археологического участка, для того чтобы посетитель мог получить о нем полное представление. Использование «Временных рамок» не исключает использования традиционных средств показа; напротив, уже первый опыт, полученный в Энаме, свидетельствует о том, что полного понимания архео-

логического памятника можно добиться лишь путем сочетания новых методов представления и интерпретации с традиционными. Поэтому по-прежнему будут использоваться карты и схемы, планы, иллюстрации и пояснительные тексты, дополненные карманными путеводителями и аудиосредствами, которые помогают знакомству с археологическим парком Энама. В древнем городе Мегиддо в Израиле также разрабатывается программа, предполагающая применение системы «Временные рамки» для показа памятников на его территории. Программа основывается на культурном соглашении между властями Восточной Фландрии и Управлением национальных парков Израиля.

Археологический участок Энам настолько важен с научной точки зрения, что было бы безответственно осваивать всю его территорию. Поэтому 6 га его площади будут оставлены нетронутыми. Важная часть этого пространства простирается к югу от аббатства, где раньше находились сады. В целях включения этой зоны в археологический парк здесь предполагается заложить новый сад. По возможности здесь будет показана историческая эволюция садоводства начиная с Каролингского периода вплоть до XVIII века.

Наконец, есть планы построить центр «Панорама жизни» (LifeScape Centre) — музей XXI века. Главной темой этого центра будет история жизни человека от рождения до смерти, иллюстрированная археологическими материалами. Этот план призван связать археологические памятники по всему миру и продемонстрировать единство человеческих устремлений, выявляя при этом богатство культурного многообразия. ■

Упорядоченное разнообразие: муниципальные музеи Нюрнберга

Франц Зонненбергер
(Franz Sonnenberger)

Придание руководству независимых муниципальных музеев Нюрнберга централизованного характера стало ключевым моментом для их модернизации. Новая административная структура, действующая с 1994 года, позволила многим маленьким и средним музеям города объединить свои скудные ресурсы, оптимизировать свою деятельность и более чутко реагировать на запросы посетителей. Автор статьи изучал историю в Мюнхенском университете и Университете Эмори в Атланте (США). С 1981 по 1991 год он возглавлял отдел в Нюрнбергском центре промышленной культуры; с 1992 по 1994 год был личным консультантом лорд-мэра Нюрнберга. С мая 1994 года занимает должность директора муниципальных музеев Нюрнберга.

Нюрнберг, город с населением менее полумиллиона человек, живет богатой культурной жизнью, в которой музеи играют весьма заметную роль. Крупнейший музей немецкого искусства и культуры, Германский национальный музей, скоро будет отмечать свою 150-ю годовщину. Музей железных дорог и Музей почты также пользуются заслуженным признанием далеко за пределами Германии. Первый управляется фондом и Корпорацией немецких железных дорог, в то время как второй подчиняется Федеральной почтовой службе Германии. Существует также несколько маленьких и средних муниципальных музеев, руководимых собственно властями города Нюрнберга.

Дом Альбрехта Дюрера напоминает гостям города о великом сыне Нюрнберга. У этого исторического памятника, в котором жил и работал мастер, появился современный филиал. Муниципальный музей «Дом Фембо» расположен в прекрасном здании эпохи Возрождения. Музей Тухершлосс (замок Тухер) на примере семьи фон Тухер дает представление об образе жизни нюрнбергской аристократии, представителей городской знати, которые на протяжении столетий правили городом. Муниципальная художественная коллекция отвечает за сохранность не только около 70 тыс. графических листов, но и всего наследия, представленного движимыми произведениями искусства Нюрнберга, которые включают главным образом живопись и скульптуру с периода средневековья до примерно 1950 года. Авторитетный Музей игрушки дает полное представление об истории игрушек, уделяя особое внимание предметам, изготовленным в Нюрнберге — столице игрушечного производства Германии. Центр промышленной культуры, расположенный в бывшем заводском здании, представляет собой синтез музея техники и музея социальной истории, который прослеживает путь, проделанный Нюрнбергом за век промышленного развития.

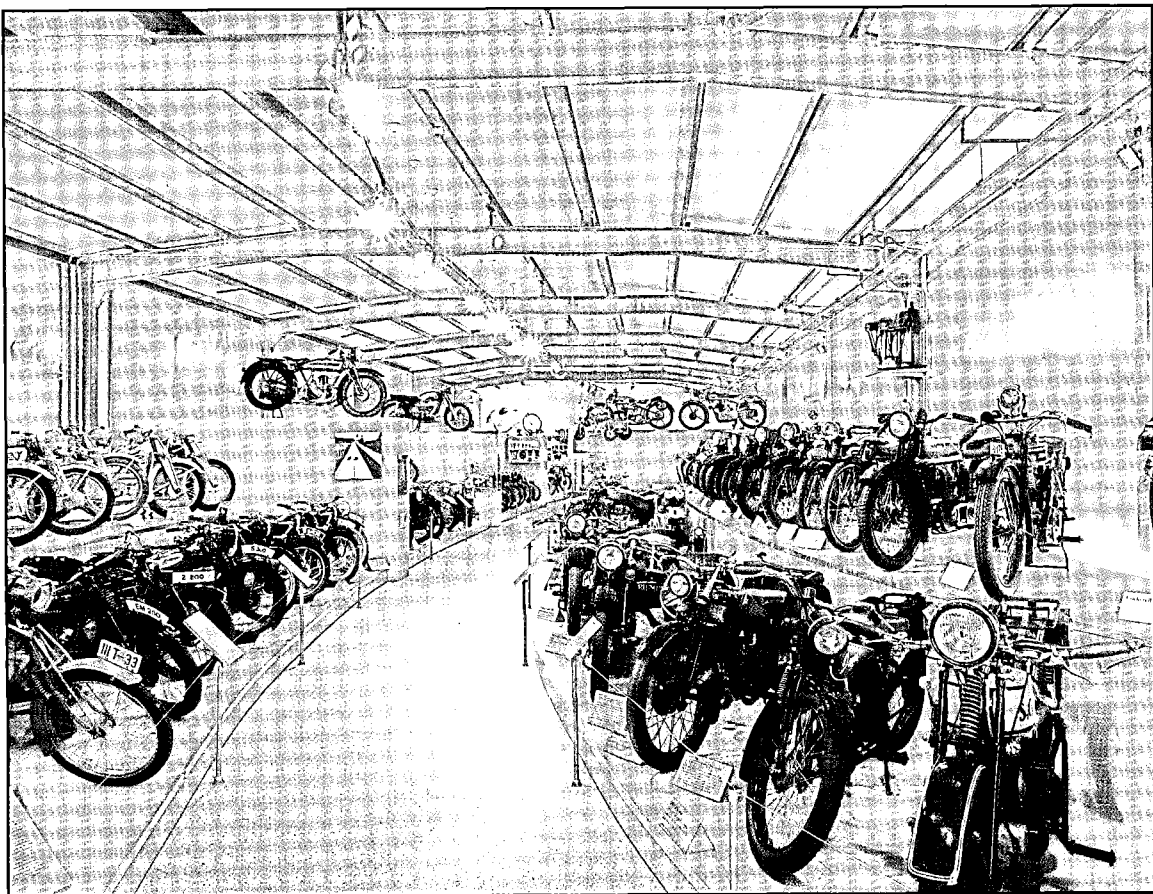
Год 1994: отдельные мгновения из жизни муниципальных музеев

Центр промышленной культуры готовит выставку фотографий. Поскольку в его распоряжении имеется незначительное количество рам для картин и он не может самостоятельно развернуть фотоз экспозицию, ему пришлось разместить дорогой заказ в одной частной фирме. В Центре промышленной культуры даже не догадываются о том, что много рам для картин лежат без дела в хранилище Муниципального музея «Дом Фембо», в котором также есть сотрудник, умеющий профессионально вставлять картины в рамы. Муниципальная художественная коллекция не имеет специалиста в области реставрации. В этом заключается одна из причин, почему в прошлом при хранении ценных произведений искусства были допущены серьезные ошибки. Ей мог бы оказать помощь реставратор Муниципального музея игрушки, имеющий основательную подготовку по реставрации картин. Однако его услугами коллекция не пользуется, поскольку он постоянно работает на другие муниципальные музеи. В качестве транспортного средства для перемещения предметов в пределах старого города персонал музея «Дом Фембо» использует допотопную ручную тележку. Им остается только мечтать о собственном автомобиле для перевозки ценных произведений искусства. Их музей слишком мал, чтобы позволить себе приобрести фургон.

Три года спустя

Теперь у Центра промышленной культуры больше нет проблем с организацией экспозиций фотографий и графики: отныне рамы для картин, экспозиционные витрины и другое оборудование объединены в общий фонд, из которого муниципальные музеи, в случае необходимости, могут позаимствовать их. Музейный персонал, распрощавшись с тележкой, теперь имеет собственный грузовичок. Реставратор, состоящий в штате Музея игрушки, может выполнять работу, предоставляемую другими муниципальными музеями. Значительные сдвиги произо-

© Christian Höhn, Nuremberg

Музей мотоциклов в Центре промышленной культуры.

шли в решении проблемы расширения хранилищ Музея игрушки и муниципальной художественной коллекции, которые раньше испытывали острую нехватку помещений. На окраине города был построен просторный депозитарий для нужд обоих музеев.

Все эти важные события стали возможны благодаря реорганизации музеев. С 1 мая 1994 года действует решение муниципалитета о подчинении независимых муниципальных музеев Нюрнберга единому руководству с общей организационной структурой. Муниципалитет Нюрнберга ожидал, что это упорядочит процесс принятия решений в самих музеях, а также позволит сэкономить значительные ресурсы благодаря совместной деятельности и совместному их использованию. Возможность принятия решения о реорганизации музеев возникла в результате практически одновременного выхода на пенсию трех главных музейных хранителей, обязанности которых после этого были объединены. Новое руководство приняло вышеупомянутые музеи, а также здание

партийного конгресса времен Третьего рейха. В нем муниципалитет с 1985 года организует постоянную экспозицию, рассказывающую о роли города в дни господства национал-социализма.

В реорганизованных музеях Нюрнберга работает 45 человек. Годовой бюджет (расходы на персонал и текущие расходы) составляет 7 млн немецких марок (DM). Ежегодно музеи посещает в среднем 330 тыс. человек.

В течение длительного времени, предшествовавшего реорганизации, посещаемость муниципальных музеев неуклонно снижалась. Это был ясный сигнал тревоги, свидетельствовавший о безотлагательной необходимости реформ. Новое музейное руководство и политики поняли, что музеи следует сделать более привлекательными. В декабре 1994 года муниципалитет Нюрнберга единогласно принял цели реструктуризации и меры по рационализации деятельности, выдвинутые самими музеями. Однако политики не обеспечили дополнительное финансирование. Несмотря на существование

неблагоприятных экономических условий, муниципальным музеям тем не менее удалось договориться о финансировании в размере 5 млн DM на цели модернизации благодаря введению новых правил кредитования. Три миллиона из этой суммы составляют «специальные» муниципальные ресурсы, заработанные самими музеями, которые должны быть возмещены им. Остальные два миллиона включают субсидии, предоставляемые фондами, которые были созданы в соответствии с государственным правом и на спонсорские деньги. С помощью этих финансовых средств музеи Нюрнберга смогут к 1999 году предпринять решительные меры, чтобы наверстать отставание в модернизации, которое накопилось за последние годы и даже десятилетия.

Что еще лучше, им удалось успешно осуществить ряд проектов, о чем раньше и помыслить было невозможно. К их числу относится проект реконструкции Хирсфогель-халле, усадьбы с прилегающим парком эпохи Возрождения, которая имеет исключительно важное значение для истории искусства. Эта жемчужина в короне истории искусства в ее первоначальном виде закрыта для посетителей со времен Второй мировой войны. Новая музейная организация сыграла важную роль в обеспечении поступления необходимых миллионов для решения в конечном счете многих вопросов. Созданное объединение «Муниципальные музеи Нюрнберга» пользуется значительно большим влиянием у финансовых органов муниципалитета, чем специализированные музеи в дни их независимости. Новая организация повысила привлекательность музеев для фондов, созданных в соответствии с положениями государственного права и частными спонсорами.

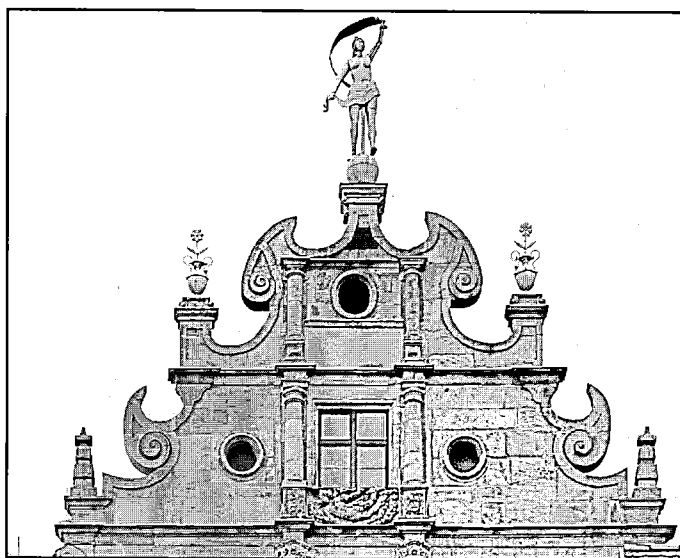
Одно из важнейших структурных преимуществ новой формы организации заключается в создании центрального руководства муниципальных музеев. Их директор рационально дополняет деятельность хранителей конкретных музеев. Он осуществляет тесное сотрудничество с музеями в качестве эксперта, что позволяет ему составить

мнение об их работе и должным образом направлять ее. Однако он держит достаточную дистанцию, чтобы более не вмешиваться в функционирование и развитие музеев, поскольку последние вверены его заботам лишь в том, что касается узкоспециального внутреннего аспекта их деятельности, связанного с традиционными задачами музейного хранителя. Таким образом, его положение позволяет ему находиться в стороне от повседневных, рутинных забот музеев. Это облегчает ему постановку вопросов, зачастую неудобных, с учетом целей и методов повседневной работы и имеющихся возможностей. Следовательно, высшее музейное руководство может выступать «защитником интересов публики». Это крайне необходимо для того, чтобы публика восприняла и приняла музей. В общем и целом новая форма организации муниципальных музеев стала движущей силой для осуществления в них новаторской деятельности.

Мобилизация всех ресурсов

Создание центрального руководства способствовало оживлению деятельности на различных уровнях. Некоторые функции, такие, как обеспечение связи с политическими органами власти и другими отделами муници-

Деталь фасада Муниципального музея «Дом Фембо», который расположен в здании эпохи Возрождения, датируемом 1591—1596 годами.

© Christian Höhn, Nuremberg

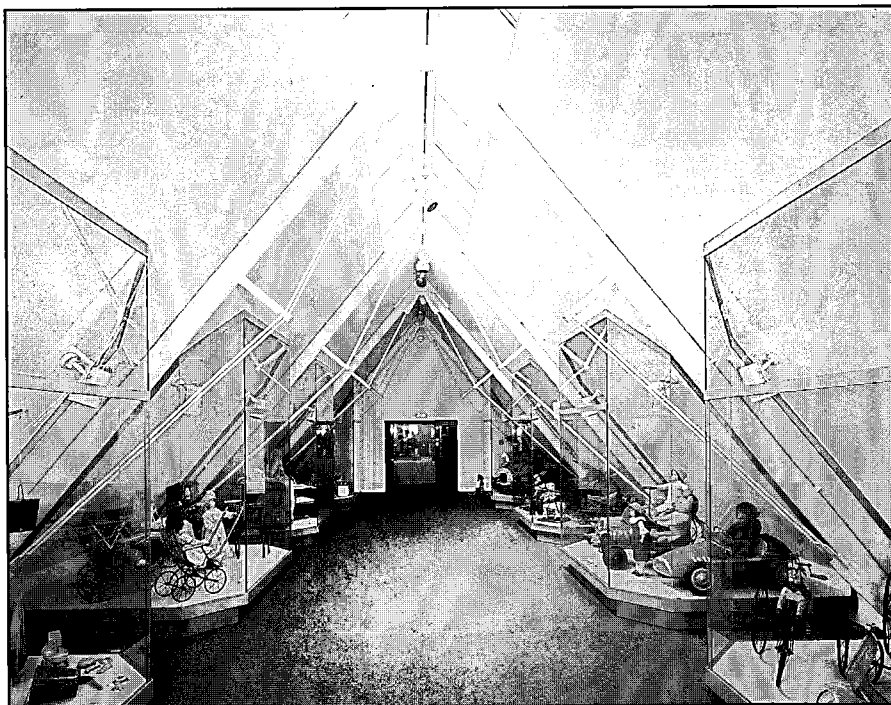
пальной администрации, прессой и общественностью, а также — в значительной степени — сбор финансовых средств, предоставляемых спонсорами, осуществляются главным образом центральным руководством. Таким образом, отдельные музеи теперь избавлены от проведения мероприятий, которые зачастую считались непопулярными. Это дало им возможность обратить внимание на задачи, которыми раньше попросту пренебрегали. Хорошим примером этому может служить Музей игрушки, который в 1994 году прежде всего занялся созданием автоматизированного каталога своих коллекций и с тех пор уже завершил это новаторское начинание в данной области. То же самое можно сказать и о проведении специальных мероприятий, организации экспозиций и выпуске публикаций, которые отныне составляют основной круг забот этого и других муниципальных музеев.

Муниципальный бюджет Нюрнберга почти исчерпал возможности имеющихся ресурсов уже много лет назад. Тот факт, что муниципальные музеи все же получили новые инвестиции,

объясняется не только мобилизацией новых ресурсов, но и более рациональным использованием имеющихся средств. Создание централизованного финансового фонда способствует быстрому, без бюрократических проволочек принятию мер. Приобретение небольшого грузового автомобиля стало одним из многочисленных свидетельств этого. Теперь меры могут осуществляться оперативно, в обход громоздких процедур выдачи разрешения и запутанных правил их применения. Новая организация также устранила конкуренцию между отдельными музеями, сбалансировав их интересы. Отныне финансовое «вознаграждение» получает не проситель, которому удастся оказать наибольший нажим на политиков, а те, кто в наибольшей степени нуждается в инвестициях.

Что касается кадровой политики, то был создан единый штат реставраторов и технических специалистов. Это позволяет, в случае необходимости, в относительно короткие сроки освободить сотрудников от выполнения их обычных обязанностей и временно переподчинить другому музею. Как

© Christian Höhn, Nuremberg

Выставка игрушек начала XX века в Музее игрушки.

правило, эта система работает исправно, однако персоналу требуется какое-то время, чтобы приспособиться к условиям работы на новом месте. Реорганизация также доказала свою успешность еще в одном отношении: проблема личной несовместимости, которая существовала среди сотрудников и, например, практически парализовала один из муниципальных музеев, была разрешена путем перевода одного из сотрудников на другую должность в рамках объединения «Муниципальные музеи Нюрнберга». Теперь это просто сделать, поскольку предполагает обычное перемещение в пределах одного и того же отдела.

То же самое можно сказать о замене одних должностей другими и переквалификации части персонала. Например, после упразднения за ненадобностью должностей строительных рабочих или музейных смотрителей создавалась новая должность, связанная с маркетингом или касающаяся связей с общественностью. Подобная реорганизация позволила объединению «Муниципальные музеи Нюрнберга» проложить себе дорогу в будущее: без профессиональной поддержки специалистов по связям с общественностью музеев Нюрнберга, возможно, не удастся выжить на «рынке досуга», который становится ареной все более острой конкурентной борьбы. Принятие подобных мер было бы немыслимой задачей для любого из маленьких муниципальных музеев города с их прежней формой руководства и организации. Создание более крупной музейной структуры сделало этот жизненно важный шаг логичным и осуществимым.

Многочисленные преимущества централизации следует оценивать с учетом ее недостатков. К их числу относятся, например, удлинившаяся процедура принятия решений. Многие вопросы, которые раньше решались на уровне собственно музея, теперь относятся к компетенции канцелярии центрального руководства. Было бы разумно ограничить централизацию до приемлемой степени. На первом этапе реорганизации сильное руководство и

централизация полномочий, связанных с принятием решений, представлялись жизненно важными. Однако в долгосрочной перспективе непосредственный доступ директора к конкретным музеям трудноосуществим и нецелесообразен. В таком случае необходим компромисс между центральным руководством и децентрализованной ответственностью за использование ресурсов. Принцип, которого придерживаются в Нюрнберге, ясен: «Как необходима централизация, так и возможна децентрализация».

По завершении комплексных мероприятий по реструктуризации и рационализации отдельные музеи вновь получают свои годовые бюджеты, которыми они будут самостоятельно распоряжаться. Однако в начале каждого года будет готовиться общая бюджетная смета. Не может быть никакого вопроса о создании новых резервных бюджетных областей. Напротив, должна быть сделана попытка принятия ключевых решений в будущем путем достижения согласия относительно конкретных приобретений или экспозиций. Окончательное решение по таким вопросам остается за директором объединения «Муниципальные музеи Нюрнберга».

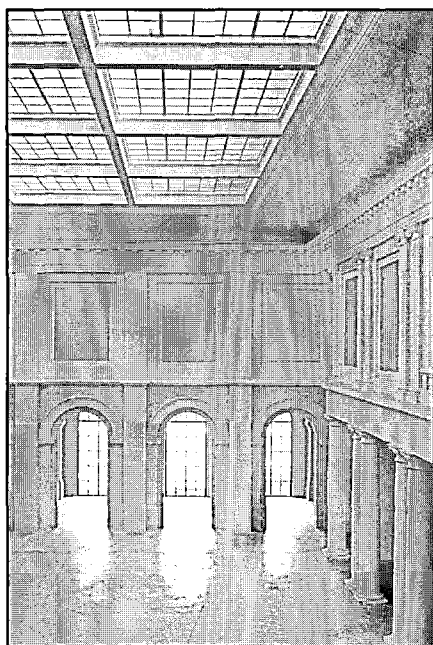
В общем, решение об объединении муниципальных музеев Нюрнберга было правильным. Новая форма организации во многих отношениях является более эффективной, чем бывавшая ранее форма сосуществования и соперничества между многочисленными маленькими музеями. С другой стороны, тип организации, принятый в Нюрнберге, не может считаться приемлемым для крупных городов, располагающих большими музеями. В таких случаях централизация не будет иметь смысла, поскольку все преимущества таких мер достижимы в пределах одного здания. Однако для городов с маленькими и средними музеями пример Нюрнберга мог бы послужить эффективной моделью, поскольку он демонстрирует, как можно извлечь максимум выгоды из потенциала этих учреждений культуры. ■

Дворец изящных искусств в Лилле вновь открыт

Сообщение *Международного журнала "Museum"*

Открытие после реконструкции Дворца изящных искусств в Лилле в июне 1997 года стало важным событием в культурной жизни Франции, поскольку после его модернизации и расширения он стал одним из самых престижных музеев страны. Редакция Международного журнала "Museum" была приглашена на «генеральную репетицию» его открытия.

Вид на атриум со второго этажа музея.

© H. Abbadie, DMF/Palais des Beaux-Arts

Спустя пять лет после закрытия на реконструкцию Дворца изящных искусств в Лилле были наконец завершены длившиеся четыре года работы по осуществлению крупномасштабного проекта его обновления и расширения, а также реорганизации его замечательных коллекций. Общая площадь музея теперь составляет 22 тыс. м².

Необходимость столь обширных работ была вызвана рядом причин: сильным износом здания, особенно помещений, связанных с обслуживанием посетителей, устаревшими музеографическими методами и, кроме того, решением министерства культуры (точнее, его отдела наследия) передать Дворцу 16 выполненных в масштабе рельефных планов, ранее хранившихся в парижском Отеле инвалидов. Реконструкция осуществлялась в соответствии с соглашением, которое заключили между собой министерство культуры, Дирекция музеев Франции, власти города Лилля, администрация региона, включающего департаменты Нор и Па-де-Кале, и собственно департамента Нор.

В целом задачи проекта, за выполнение которого взялись архитекторы Жан-Мари Ибо и Мирто Витар, были просты и понятны: открыть музей для города, сделать его интересным для публики, расширить таким образом, чтобы он мог выполнять все функции современного музея, и как можно полнее показать знаменитые коллекции Лилля.

Здание, которое в 1889—1892 годах построили архитекторы Берар и Дельма, вновь обрело свое первоначальное объемно-планировочное решение. Снова центром Дворца стал атриум, отданный, как и весь первый этаж, посетителям. Это место, где расположены службы информации и приема посетителей, откуда они затем расходятся по залам постоянной экспозиции.

Особый размах проекту придали создание открытого пространства под садом и сооружение нового здания, так называемого 'Bâtiment Lame'. Благодаря стеклянному перекрытию новый подземный зал, предназначенный для временных выставок, освещается дневным светом. В построенном неподалеку новом корпусе разместились административные службы, коллекция рисунков, Ассоциация друзей музея и выходящий в сад ресторан. По словам архитекторов, новый корпус — это «гибкая многослойная структура, состоящая из последовательности поднимающихся над садом вертикальных плоскостей. Сначала идет плоскость из прозрачного стекла, в котором на импрессионистический лад отражается — благодаря сверканию множества переливающихся точек — здание Дворца; за ней на том же перпендикуляре расположены монохромные золотые пластины на красном фоне. Весь комплекс — это символ музея».

Книжный и сувенирный магазин, ресторан и кафе, зоны отдыха, аудитория, служба информации и организации культурных мероприятий — все это поможет сделать Дворец более комфортабельным для посетителей.

По-новому организованный показ наиболее выдающихся памятников искусства из коллекции музея, включая *Рай и Ад* Боутса, *Пир Ирода* Донателло, *Старухи и Время* Гойи, — лишь один из аспектов обширной программы реорганизации коллекций. Действительно, целиком перестроены отделы средних веков и Возрождения, керамики и живописи.

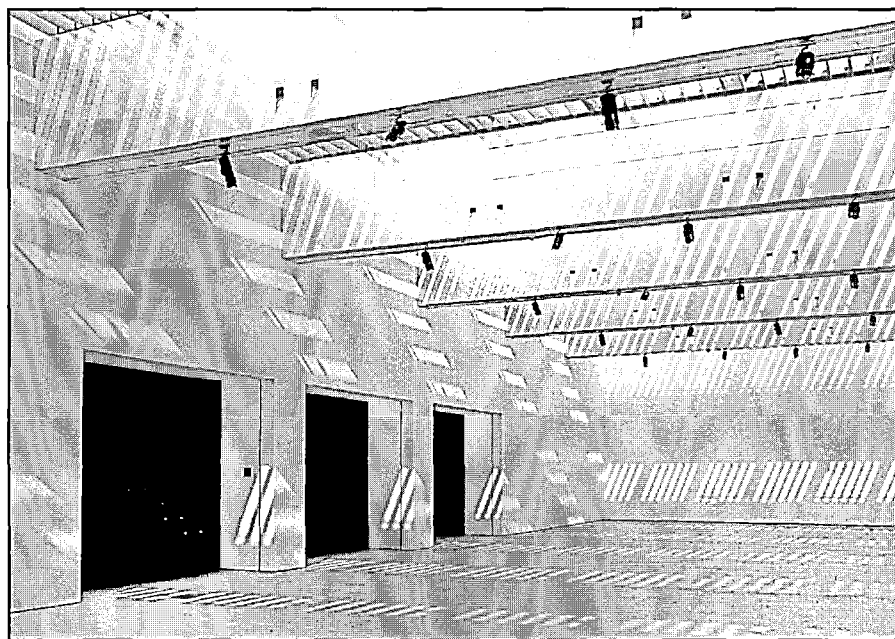
Картины художников фламандской школы (Рубенса, ван Дейка, Йорданса и других), голландской (ван Хемессена, де Витте, Кодде, ван Рёйсдала и Ластмана), итальянской (Тинторетто, Гварди и других) и испанской (Гойи), а также великих французских мастеров XVIII—XIX веков (Давида, Курбе, Пюви де Шаванна и других)

теперь дополнены произведениями, ранее хранившимися в запасниках. Многие из них прошли реставрацию в соответствии с обширной программой, осуществляемой Реставрационной службой музеев Франции. В общей сложности 700 работ — живопись, скульптура, прикладное искусство — вновь предстали перед посетителями во всем своем великолепии.

Наконец, открытие после реконструкции Дворца привело к созданию двух новых отделов, один из которых посвящен скульптуре XIX века, а другой — великолепным рельефным планам приграничных городов, которые военный инженер и маршал Людовика XIV Вобан превратил в крепости. Рельефные планы — это выполненные в масштабе 1:600 трехмерные модели городов-крепостей, располагавшихся вдоль границ бывшего французского королевства. Они создают чрезвычайно точный и выразительный образ этих городов в годы «Старого режима». Кроме того, они имеют огромную документальную ценность, показывая, как выглядели городские фабрики, монументы и крепости, и зачастую включают часть пригородной территории и сельской местности.

Но, восхищаясь ими, мы порой забываем, что они создавались исключительно для военных целей. В правление Людовика XIV военный министр Лувау, понимая, какую важную роль играют крепости в ведении войны, решил заказать их модели, чтобы, «почувствовав на ощупь и наглядно увидев все слабые места этих городов», «исправить их» (из письма Вобана к Лувау, 1695 год). Что касается включения прилегающей к городу довольно обширной территории, это объясняется нуждами артиллерии.

Однако, поскольку в XVIII и XIX веках артиллерия постоянно совершенствовалась и развивалась, после 1870 года модели уже не представляли никакой практической пользы. Из

© H. Abbadie, DMF/Palais des Beaux-Arts

примерно ста существующих ныне моделей 16 теперь экспонируются в Лилле, что стало возможным благодаря соглашению, заключенному между государством и властями города. В это число входит 7 моделей укрепленных городов на севере Франции, 8 моделей городов на территории современной Бельгии и модель Маастрихта в Голландии. Поскольку это главным образом города XVIII века, располагавшиеся в пограничной зоне и постоянно страдавшие от военных действий, модели помогают нам получить представление о том, как они выглядели когда-то, и позволяют сделать интересные сравнения с крепостями, сохранившимися до наших дней.

Благодаря стеклянному перекрытию новый подземный зал, предназначенный для временных выставок, освещается дневным светом.

После того как вновь открылся после реконструкции и расширения Дворец изящных искусств, город Лилль, представляющий собой перекресток европейских коммуникаций, с скоростной железной дорогой, тоннелем под Ла-Маншем и международным деловым центром «Евралиль», всячески заботится об укреплении репутации этого учреждения, имеющего столь важное значение. Подтверждением тому являются две запланированные на 1998 год выставки: одна из них будет посвящена самому знаменитому художнику Лилля — Антуану Ватто, а другая — Франсиско Гойе. ■

Книги

Marketing the Museum by Fiona McLean. (London/New York, Routledge, 1997, 257 pp.)

В эпоху постмодернизма Энди Уорхол и Маршалл Маклюэн предсказали будущий контекст для общества и музеев.

В 1968 году, когда Энди Уорхол заявил, что однажды «каждый человек сможет прославиться на весь мир за 15 минут», он имел в виду, что все мы живем в мире, управляемом и поглощаемом гиперреальностью, и что известность станет таким же обычным делом, как песчинка. В наши дни его заявление во все большей степени доказывает свою правоту по мере того, как расширяются наши возможности в получении информации, включая круглосуточно вещающие информационные сети, кабельное телевидение и интерактивные информационные службы, к которым можно получить немедленный доступ.

«Средство коммуникации — это информация» — в этом красноречивом высказывании Маршалла Маклюэна схвачен поверхностный характер современного общества. Это также ставит перед музеями задачу, связанную с показом публике хранящихся в них подлинных предметов материальной культуры таким образом, чтобы у нее формировался «опыт» и чтобы этот показ не сводился к простому экспонированию в витринах редких предметов. Значит ли это, что музеи должны участвовать в организации «приятного времяпрепровождения с элементами обучения», а не в проведении просветительной деятельности, с тем чтобы успешно конкурировать с разнообразными возможностями проведения досуга, которые имеет компьютерозависимая аудитория?

Существует всего несколько «внешних факторов», которые музеи должны признавать и учитывать в своей практической деятельности, если они хотят сохраниться как таковые в XXI веке, как утверждает Фиона Маклейн в своей вдумчивой и во

многом исследовательской книге *Marketing the Museum* [Организация сбыта музейных продуктов]. Эта книга должна стать настольной не только для специалистов в области музейного маркетинга, но также для директоров музеев, членов попечительских советов, политиков и других лиц, которые призваны осуществлять контроль за деятельностью музеев. По мнению Маклейн, «нельзя на маркетинг возлагать вину за массовый обман общества. Это всего лишь инструмент управления, который в хороших руках будет использоваться для достижения всего того, чего может желать заботящийся об интересах публики музей».

Очевидно, что, если музеи хотят эффективно конкурировать на рынке досуга, бороться за внимание туристов и создавать дополнительные возможности для образования, у них не остается иного выбора, как перенять некоторые из методов, практикуемых коммерческим сектором. Хотя книга *Marketing the Museum* определенно предназначена для ученой аудитории, она тем не менее дает ориентиры для установления отношений между музеями и публикой. В ней приводятся конкретные примеры, иллюстрирующие, как методика маркетинга применяется музеями в целях выполнения ими своих задач. Ссылки на многочисленные исследования свидетельствуют о влиянии и эффективности маркетинговых подходов.

В первой главе, «Музейный контекст», Маклейн раскрывает суть дихотомии современного музея: «Эта дилемма является порождением ряда факторов: двойственностью образа музея как храма и как общественного форума; двойственным положением музея как просветительного учреждения и как места для приятного времяпрепровождения; как центра коллекционирования и исследования, а также образовательной и экспозиционной деятельности; как учреждения, где работают ученые и бывают рядовые посетители, где предметы представлены в качестве образцов,

а также существованием музеев как частных, так и государственных».

Поставив многочисленные вопросы и проблемы в главах «Музейный контекст», «Маркетинговый контекст», «Музейная среда» и «Музеи и публика», Маклейн объясняет, что такое маркетинговый контекст, и это является самым ценным.

Маклейн полностью полагается на мнение Питера Дракера как первого комментатора, отстаивающего необходимость ориентироваться на маркетинг в бизнесе¹, где точка зрения потребителя на товар является определяющей для приложения деловых усилий. Запросы потребителя следует определять до производства товаров, а не наоборот — сначала производить товары, а потом убеждать покупателей приобрести их. Так родилось исследование, направленное на анализ сегментации, экономических ориентиров и позиционирования на рынке. Продукция, чтобы быть конкурентоспособной, должна не только учитывать запросы потребителей, ее производство должно начинаться с этих запросов. Данная теория ставит вопрос о сравнении некоммерческих государственных учреждений с коммерческими предприятиями.

Далее Маклейн приводит доводы относительно того, что «музейный продукт» отличается от товаров, которые можно определить с точки зрения их физических свойств и «чистой прибыли или убытка компании за конкретный период». Музеи, с другой стороны, предоставляют «нематериальные услуги», они не могут перейти на хозрасчет и, за крайне редким исключением, не дают прибыли. Утверждается, что в связи с сокращением государственного финансирования и утратой корпоративной поддержки материальное положение музеев улучшится, если они не будут основываться на «культуре зависимости». Это служит логическим обоснованием для внедрения в музейное сообщество динамики Дракера и Котлера

(*Marketing for Non-profit Organizations*, 1975) и Маклейн, изложенной ею в *Marketing the Museum*.

Однако музеи существуют для общественного блага, а не для получения прибыли. В этом заключается их самое главное отличие, и, пока Маклейн подробно рассматривает все за и против, постоянно принижается и недооценивается та ведущая роль, которую призваны играть государственные учреждения в быстро меняющемся обществе. Сегодня, когда традиции рассматриваются как нормативные документы, а наследие отождествляется с политической корректностью, на музеях лежит обязанность экспонировать, просвещать и увлекать, основанная на достижении целей или научных истин, а не на соображениях извлечения прибыли или получения безвозмездной помощи со стороны доноров.

Аналогичным образом, когда Маклейн говорит о роли общества в определении характера музейных экспозиций, она ссылается на исследование Сиграма, Пэттена и Локета², сравнивая традиционную «основанную на мандате модель» (в соответствии с которой научные сотрудники музея принимают решения) с «основанной на рынке моделью» (в соответствии с которой решения принимает публика). Очевидно, что для определения содержания музейных экспозиций необходима концептуальная основа, призванная обеспечить разработку последовательной программы проведения взвешенного изучения публики и ее мнения. В идеале следовало бы провести фундаментальные и прикладные исследования, но такие исследования, как правило, дорого обходятся, а у музеев нет для этого ни времени, ни средств. Несмотря на риск оттолкнуть от себя populists, все-таки именно музей в конечном счете обязан играть ведущую роль в определении характера своей деятельности. Это позволяет музеям сохранять доверие общества.

Маклейн указывает на некоторые

опасности, которые таит в себе маркетинг. Она даже отмечает, что «маркетинг очень располагает к манипулированию» и что музеи наделены врожденными достоинствами, которые сами по себе будут привлекать публику, независимо от использования рекламных методов. Достоинство сожаления, что, по крайней мере в Соединенных Штатах, где каждый человек называется потребителем и где маркетинг пронизывает все общество, музеи не могут оставаться над схваткой, не поставив под угрозу собственное выживание.

В течение 1990-х годов появились новые тенденции, которые музеи должны учитывать. Они включают: (а) установление продолжительного диалога или тесных связей с клиентами (Маклейн ссылается на исследование 1990 года Гронуса, которое показало, что привлечь нового посетителя обходится в пять раз дороже, чем удержать уже существующего); (б) необходимость уделять внимание запросам посетителя; (с) создание специфической рекламы, направленной на привлечение заинтересованной публики; (д) использование технологий создания репутации и перенесения фирменного стиля в целях создания и расширения рынка и (е) возникновение термина «индивидуализированный» маркетинг, который пришел на смену микромаркетингу, модному словечку 1990-х годов.

Маклейн приводит убедительные доводы в пользу выживания музеев в 1990-е годы. С учетом существующих условий музеи должны использовать все лучшее из методики маркетинга. Например, музеи должны активно стремиться к расширению возможностей для формирования доходов и разработки мероприятий и участвовать в распространении информации о музейной продукции. Все это Маклейн подкрепляет красноречивыми данными конкретных исследований. Хотя ее ссылки выглядят убедительно, они касаются главным образом музеев Великобритании и дают представление о колоссальном объеме

проведенных исследований и огромном опыте, полученном при использовании маркетинга применительно к индустрии музеев и наследия в этой стране.

В наш неконструктивный век рушится реальность; нами манипулируют с помощью имиджей, иллюзий или ложных стимулов, но не реалий. Будущее становится все более неопределенным, и оно будет развиваться еще более стремительно, чем предполагалось ранее. Музеи как учреждения возникли в эпоху Просвещения и первоначально не предназначались для посещения публикой, поэтому им пришлось претерпеть огромные преобразования. Первые музеи, созданные в Соединенных Штатах, преследовали традиционные цели коллекционирования, хранения и консервации-реставрации. Однако американцы пошли дальше. Джон П. Морган, Генри Клей Фрик, Джон Д. Рокфеллер и многие другие благотворители рассматривали музеи как продолжение демократического процесса, как средство образования широких масс. Их объединяло намерение распахнуть двери музеев, чтобы создать равные возможности для всех и каждого, хотя его осуществление могло быть различным.

После обстоятельного изучения вопроса Маклейн признает, что музеи — это исключительно сложные организмы, которые организуют множество различных видов деятельности и мероприятий. В то же время у них есть один общий знаменатель — их коллекции. На языке маркетинга о них можно сказать, что они формируют «уникальное предложение для продажи». Не следует забывать о том, что сегодня существуют учреждения, которые не располагают коллекциями, и тем не менее они считаются музеями. Снижает ли это их эффективность?

Для поколения, выросшего в мире искусственной окружающей среды, виртуальной реальности и имитированного опыта, музеи остались единственными

учреждениями, которые могут дать представление о подлинном посредством знакомства с реальными предметами, артефактами, живописью и скульптурой. На хранителей и интерпретаторов этой материальной культуры возложена обязанность сохранять ее для будущих поколений и в то же время привлекать самую разнообразную публику.

Любопытно, Маклейн делает вывод о том, что, если оставить в стороне вопросы организационного механизма, кадров и маркетинговых характеристик, по-прежнему именно «человек решает вопросы коллекционирования таким образом, который позволяет обходить права фактического собственника». В конечном счете музеи улучшают представление посетителя о самом себе и обеспечивают преемственность человеческого опыта посредством видимой интерпретации самого человека.

В целях максимально полного выполнения своего мандата как учреждения музей просто обязан разработать программу, ориентированную на маркетинг. Книга Фионы Маклейн *Marketing the Museum* служит важным подспорьем в решении этой задачи.

Рецензия на книгу подготовлена Ли Кимче Маграт, главным исполнительным директором компании 'Global Museums China, LLC'; исполнительным директором 'Friends of Art and Preservation in Embassies'; президентом фирмы 'International Cultural Communications', которая специализируется на разработке и руководстве культурными проектами по всему миру.

Примечания

1. Peter Drucker, *The Practice of Management*, Oxford, Butterworth Heinemann, 1954.
2. B.C. Seagram, L.H. Patten and C.W. Lockett, 'Audience Research and Exhibit Development: A Framework', *Museum Management and Curatorship*, Vol. 12, No. 1, pp. 29–41.

museum

Международный журнал

Ежеквартальный иллюстрированный журнал, посвященный проблемам музеологии. Журнал представляет интерес не только для специалистов, но и для людей, просто любящих музеи.

Индекс 38947

Курьер ЮНЕСКО

Ежемесячный иллюстрированный журнал, освещающий с разных точек зрения проблемы современного мира, а также искусства, литературы, науки и культуры.

В каждом номере — рубрики, посвященные охране всемирного наследия и деятельности ЮНЕСКО в мире.

Индекс 38945

ЖУРНАЛЫ

ЮНЕСКО

НА

РУССКОМ

ЯЗЫКЕ

Бюллетень по авторскому праву

Ежеквартальный журнал, посвященный вопросам авторского права и его охраны, а также новым разработкам в этой области. Журнал представляет интерес не только для юристов, но и для творческих и издательских работников.

Индекс 38946

ПЕРСПЕКТИВЫ:

**сравнительные исследования
в области образования**

Ежеквартальный журнал, представляющий широкий спектр актуальных проблем теории и практики образования за рубежом.

Интересен преподавателям вузов, научным работникам, деятелям просвещения.

Индекс 38948

Сообщаем, что подписка на эти журналы на 1999 год будет приниматься во всех отделениях связи во втором полугодии 1999 года. Эти издания Вы можете найти в Объединенном каталоге Федерального управления почтовой связи Минсвязи России.

На каждый журнал также принимается текущая подписка на 1999 год.

Наши журналы можно приобрести в магазине «Человек читающий» по адресу: 119847, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

**23–26 ноября
1999 года**

**в Государственном историко-культурном
музее-заповеднике «Московский Кремль»
состоится Всероссийский симпозиум
«Кремли России».**

Кремли, являющиеся историческим ядром древнерусских городов и крепостными сооружениями, — это памятники отечественного зодчества и художественной культуры, символы истории Российского государства.

На симпозиуме будут обсуждаться проблемы происхождения, архитектурно-градостроительного развития, сохранения и музейного использования российских кремлей.